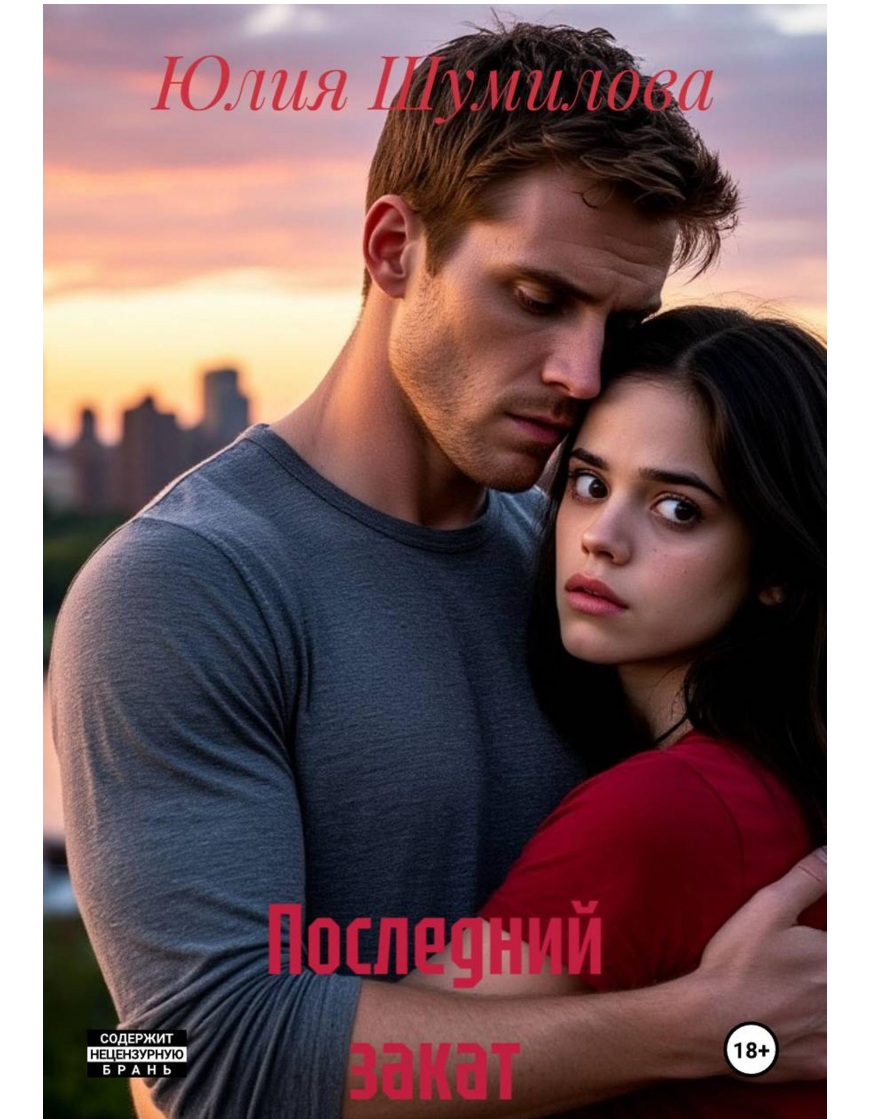

Юлия Шумилова

**Последний
закат**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Шумилова

Последний закат

<https://litres.ru/74126778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть она и он. Она сильно изранена травмами юности, но старается жить, несмотря на то, что призраки прошлого хотят утянуть ее на дно. Он тоже сталкивался с болью и имеет свои душевные проблемы. Он пытается ее спасти, а она – дать ему в ответ всю ту любовь, на которую способна ее искалеченная душа. Он думает, что знает о ней все, но есть кое-что, в чем она не может признаться даже ему.

Но где-то рядом живет некто другой – опасный и жестокий манипулятор, забавляющийся «игрой в людей». Однажды их пути пересекаются, и последствия оказываются неожиданными для всех – в том числе для того, кто рассчитывал, что в очередной раз «лишь поиграет».

Роман исследует грани человеческой психики, показывая, как глубоко могут укорениться травмы и как сложно бывает вырваться из их власти. Это история о борьбе со своими и чужими демонами, о страсти и противостоянии, о любви и ненависти, о нежности и жестокости, о выборе между спасением и гибелью, о том, что цена неверного решения может быть очень высока.

Содержание

Диклеймер	4
Пролог	5
Глава 1. Выбор	17
Глава 2. До и после	35
Глава 3. Муж и жена	61
Глава 4. Глаза хищника	73
Глава 5. Не так важно	94
Глава 6. Мышеловка	109
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Последний закат

Дисклеймер

Книга содержит сцены эмоционального, физического и сексуализированного насилия, а также описание тяжелых эмоциональных состояний.

Герои книги - душевно травмированные и не вполне здоровые люди, имеющие определенные личностные особенности. Целью книги не является оправдать жестокость в отношениях, и автор не одобряет способов, которыми главные герои взаимодействуют друг с другом. Это - художественное произведение, раскрывающее влияние тяжелых травм на психику людей и взаимоотношения между ними.

Роман может вызвать высокий градус различных эмоций, а отношение читателя к героям книги и совершаемым ими выборам может быть неоднозначным и противоречивым.

Будьте внимательны и бережны к себе, принимая решение о прочтении этой книги.

Не рекомендуется к прочтению беременным женщинам.

Пролог

Она

Я давно пришла к умозаключению, что люди с рождения делятся на три категории: те, у которых жизнь начинается

правильно, не совсем правильно — и совсем неправильно. И все, что происходит с ними дальше, уже предопределено обстоятельствами их рождения.

И у тех, у кого все началось, как надо — дружная, крепкая семья; любящие, заботливые и принимающие родители; дом, в котором уютно и безопасно — и дальше все складывается хорошо. И они становятся хорошими людьми — и вступают в отношения с такими же хорошими людьми — и строят свою крепкую семью, в которой живут счастливо и рожают счастливых детей. И этих детей впереди тоже ждет светлое будущее.

Если все изначально было ну так, не очень, скажем — например, семья была неполной; или что-то случилось с кем-то из родителей, но остался второй, любящий; или родители часто ругались между собой; или они, в целом, любили и заботились, но не особо умели давать тепло, потому что им самим было негде этому научиться; либо делался акцент на неудачах ребенка, но особо не хвалили за достижения — у таких людей все-таки есть шанс на хорошую — или достаточно хорошую жизнь. Если, конечно, удачно сложатся обстоятельства, и они постараются не упустить данный им судьбой шанс. Например, встретив хорошего человека — оценить, насколько им повезло, и не разрушить эти отношения из-за груза своих проблем, а, напротив, исцелиться в них.

В наше время у этой категории людей даже больше шансов на счастье — ведь теперь многим доступна психотерапия. И

Я верю в то, что таким людям она может здорово помочь. У меня есть такая подруга, жизнь которой терапия сильно изменила к лучшему. Но эти люди могут и существенно ухудшить свою жизнь — например, связав ее с человеком из третьей категории.

У которого изначально все пошло не так. Которого, например, родители-алкоголики зачали по пьяной лавочке, и мама слишком поздно обратила внимание на то, что что-то изменилось в ее организме — когда уже нельзя было сделать аборт. И которого не уставали тыкать мордой в этот факт, сколько он себя помнит. И дальше — все по накатанной. Хуже, хуже, хуже.

И такому человеку не поможет терапия. Сколько бы там ни проводилось исследований, утверждающих, что помочь можно практически всем... И не потому, что он родился каким-то там отсталым — не все дети алкоголиков ими рождаются — гораздо меньше половины, согласно статистике, даже если во время беременности ну очень плотно бухать. Хотя, будь человек умственно неполноценным, возможно, ему было бы легче выживать во всем этом, чем тому, кто полностью осознает происходящее с ним. Почему я говорю обо всем этом с такой уверенностью?.. Потому что человек из категории номер три — это я.

А из категории два — мой парень (точнее, уже почти муж) Родя, которому я испортила жизнь... И который притворяется, что у него все хорошо, что он всегда на позитиве — де-

ятельный, улыбается — но он может обмануть кого угодно, только не меня: сколько раз я сама примеряла перед зеркалом такую же улыбку на лице — улыбку, за которой другие не разглядят щемящей тоски в глазах... Меня не обманешь — эту маску я слишком хорошо умею различать. Вот только я ему никогда не скажу, что я знаю! Ему очень важно думать, что у него получается меня обманывать.

И что получается меня спасать. Хотя бы в какой-то мере... Нет, в какой-то получается, конечно. За три года, что мы вместе, я ни разу не пыталась покончить с собой — даже не резала себя. Иногда била, но он об этом не знает. Но все равно мне плохо. Иногда очень. Иногда терпимо. Иногда я совсем заморожена — и в этом состоянии как будто не больно — но... Не знаю, как это объяснить тому, кто этого не переживал... Если, когда мне плохо, я все равно чувствую, что Родя мне дорог, и мне становится чуть легче и теплее, когда он прижимает меня к груди — то в замороженном состоянии я не чувствую этого тепла, я не могу его любить — а он заслужил, чтобы его любили. И именно тем, что в такие моменты я этого делать не могу, это скорбное бесчувствие мучительно...

Иногда мне хочется, чтобы он перестал меня спасать, чтобы отпустил... Может, мне нужно самой принять это решение и уйти — от него — или совсем... Если я уйду от него — то до уйти совсем пройдет немного времени. Но он так старается ради меня... Я не могу. Да и те моменты, в которые я

могу чувствовать исходящее от него тепло — наверное, они все же стоят того, чтобы терпеть все остальное. И в такие моменты я иногда думаю — а вдруг все же есть надежда и для меня?..

Он

Хм... До того, как я впервые обратился к психотерапевту, я даже не думал, что живу как-то не так, как надо — или как можно. Точнее, я видел, что многие живут по-другому — но я не представлял, что в моих обстоятельствах возможно как-то иначе... А с чем я обратился — да как-то серо все было, тускло, сколько себя помню — хотя чаще всего я говорил себе, что бешусь с жиру — ведь объективно у меня все хорошо!

У меня есть любимая девушка (можно сказать, уже жена), чудесная девушка — и я не сомневаюсь, что я ее люблю — но, как будто бы, можно было бы радоваться нашим отношениям больше... У меня прекрасные друзья — мне ну прямо очень повезло, что они такие — я даже не знаю, чем я заслужил таких друзей, и за что они меня любят и ценят. Но я сделаю для них все! Жизнь отдам, если нужно будет, как и за Илону, мою девушку. Но... и, проводя время с друзьями, объективно круто проводя время, как будто я не ловлю от этого столько же кайфа, сколько они. Хотя об этом никто не догадывается — я произвожу впечатление очень позитивного человека. А что это — маска — зачем об этом кому-то знать? Это — мои проблемы.

Иногда думаю: а, может, все притворяются? Моя девушка же точно притворяется с другими — но она не скрывает от меня, каково ей бывает. Но то, что ей трудно чувствовать себя счастливой — это я понимаю. Она прошла через такой ужас, который большинству и не снился. У меня же не было таких обстоятельств. Точнее, кое-что произошло в моем детстве, и моя терапевт сказала, что это точно был очень травмирующий опыт, который на многое повлиял, но ведь я этого даже не помню.

А вот Илона помнит — слишком много всего помнит — хотя предпочла бы забыть. Она очень честная, и, когда мы признались друг другу, что хотим быть вместе, все мне про себя рассказала. Она думала, что я, узнав, от нее откажусь. Но я никогда, ни за что этого не сделаю. Напротив, буду прилагать все усилия для того, чтобы сделать ее жизнь настолько хорошей, насколько это от меня зависит. И, тем более, я не могу ей показать, что мне бывает тоскливо, тошно или просто никак — зная ее, она точно подумает, что это она виновата. Я вполне могу держать свои проблемы при себе — я же мужчина, в конце концов. Ну вот терапевт теперь знает. Предложила мне выписать антидепрессанты. Илона их, кстати, давно пьет, только не шибко помогают. Как и терапия... Хотя, наверное, без всего этого было бы совсем плохо. У меня все не настолько серьезно — так что я пока насчет лекарств я в раздумьях...

У меня есть моя работа — многие считают, что — кру-

тая работа. Я — промышленный альпинист, занимаюсь установкой кондеев, в основном, мойкой фасадов на высотках, но это сезонно. Зимой — другой функционал: очистка кровель от наледи, удаление сосулек, уборка снежных заносов, монтаж и демонтаж предновогодних украшений и прочее. Работы всегда хватает. И у меня теперь даже своя небольшая фирма. Сейчас, конечно, у всех непростые времена — но волка ноги кормят, как говорится. Работы я не боюсь, и зарабатывать мне нужно довольно много. У Илоны не всегда получается приносить в дом хоть какой-то доход — у нее бывают такие состояния, когда она большую часть дня просто лежит, иногда — неделями, и никакие лекарства не способны радикально поправить ситуацию. Я пытаюсь ее убедить, чтобы она не парилась по этому поводу: я заработаю, я же мужчина!

Про крутость (или крутизну) моей работы — и почему я туда пошел, несмотря на то, что это привело в ужас мою маму — второй раз в жизни (первый — когда я записался на рукопашку, про сноуборд она не знает)... Сначала, наверное, да, мне казалось, что в этом есть какая-то романтика, острые ощущения. Пробыть эту серую мглу вокруг себя, почувствовать, наконец, выброс адреналина... И они были — сначала. Как и на сноуборде — сначала были даже на зеленых трассах — а сейчас даже и на черных — хоть еще есть, да не то... И, когда меня спрашивают, не страшно ли мне, когда я вишу в воздухе, а подо мной — 25 этажей... Нет, не страшно, давно

привык — но и не классно. Обычно. Просто — способ зарабатывания денег.

А еще у меня есть мама, замечательная мама. Мы с Илоной снимаем квартиру недалеко от нее — чтобы я мог после работы заезжать к ней — помогать, да и просто мы часто ходим друг к другу в гости — когда Илоне не совсем плохо, конечно. И финансово я тоже помогал — не то чтобы прямо очень много, мама у меня еще молодая, работает, но тем не менее — это — мой долг! Она меня вырастила одна, и я всегда буду ей за это благодарен.

Сейчас, правда, любая помощь не так актуальна. И я очень рад, что у нее уже больше года отношения с женщиной, Андреем. Он мне, вроде, нравится. Производит впечатление серьезного, порядочного. Нравится его отношение к моей маме — и, главное, то, что ей хорошо рядом с ним. Именно поэтому я рад, конечно, а не потому, что это снимает с меня какие-то обязанности — для Илоны, мамы и друзей мне никогда ничего не жалко и не трудно.

Даже если на самом деле и не легко — и я поднимаю себя с кровати через «не могу» — в те дни, когда хочется спрятаться в сон, чтобы этот день просто не начинался — ничего, справлюсь! Ради них... И все же, мне немного спокойнее, что теперь есть Андрей. Вдруг со мной что-то случится, мало ли, — работа все же относится к повышенному риску — хотя я всегда осторожен и ответственно отношусь к технике безопасности — ради них, опять же. Честно скажу, если бы

не они — то, случись что-то, например, со снаряжением, и сорвись я вниз — я бы не расстроился...

С мамой бывало трудновато в детстве, когда она пыталась меня оградить ото всех и вся. Вместо единоборств — шахматы и, максимум, бассейн. Но ее можно понять после того, что случилось с отцом... Его убили у нас на глазах, когда мне было пять. Мы втроем возвращались из гостей, и докопались какие-то пьяные уроды. Папа был мужик не промах, ни себя, ни тем более нас в обиду бы не дал. Одному навалял, а другой ему всадил в спину нож. Я этого вообще не помню — к счастью для себя, наверное. Жаль очень только, что вообще папу помню плохо. В общем, подростком отстоял я рукопашку — как потом и альпинизм (ну тут просто перед фактом уже поставил) — может быть, нужно ее было больше беречь. Но, вроде, у нее все хорошо. В ее сорок восемь (она родила меня рано, в двадцать) я бы ей и сорока не дал. И сейчас, как с Андреем стала встречаться — а недавно и жить — прямо светится счастьем! Я рад...

Другой

По ходу, я всегда отличался от других, но меня это особо не парило. Все говорят про какие-то чувства, про важность любви, дружбы, сострадания. Модно сейчас говорить — эмпатии... Я читал про все это ради интереса и развития полезных навыков, разумеется, и за другими наблюдал — но мне вообще не представить, каково это. Хотел ли бы я узнать, что это, испытав такое на своей шкуре?.. Да хз... Вряд ли, для

меня это все всегда было фигней.

Я никогда не любил даже своих родителей — хотя у меня объективно нормальные родители и, вроде бы, они любили меня, там, обнимали — даже ни разу не били, хотя я много кого бил, начиная еще с детского сада. Силы и злости во мне всегда было, хоть отбавляй. И зверушек мучил — да, это про меня — но не буду рассказывать подробностей, а то все такие чувствительные! И из разных секций меня выгоняли — за плохое поведение и жестокость. С соревнований снимали. Ну и насрать. Зато как же приятно было кого-то жестоко отмудохать! Вот это азарт!

Азарт и гнев, даже ярость — вот это да, вот это мое. Еще поржать, я любил стебать в школе разных лохов (это тоже про азарт, кстати). Конкретно. Устраивать очень жесткие приколы. Дважды мне приходилось из-за этого менять школы. Угрожали спец школой-интернатом для трудных подростков — но деньги папаши — он у меня богатенький — все решали.

Вообще мне довольно скучно в обычной жизни, и поэтому надо постоянно искать, чем бы себя поразвлечь. Алкоголь и запрещенные вещества, конечно, помогают, но я не такой дурак все-таки, который сторчится или сопьется. Или сядет. Не, один раз я чуть не присел, по малолетке еще. Но папаша меня отмазал — однако пообещал, что последний раз. Если не возьмусь за ум — пойду на хер. Ладно. Я усвоил.

Теперь я делаю все более грамотно. Без явного кримина-

ла. Периодически дерусь на боях без правил, когда очень скучно — или очень злюсь. На машине и на мотике гоняю — у меня даже еще права есть, прикиньте?.. Бабки все решают. Но, поскольку я, хоть и псих, но не дурак, со временем я открыл для себя другие игры...

Мне нравится играть с людьми. Точнее, не с людьми, а людьми. Или в людей — правильное сказать — если провести параллель с игрой в куклы. А для того, чтобы играть в людей — чтобы люди тебе доверяли и попадались на твой крючок — нужно производить впечатление вменяемого, respectable и... даже обаятельного! И я этому научился — еще как! Я даже психологическую литературу всякую изучал, видео смотрел. Сейчас благодаря интернету даже манипуляциям можно выучиться — и дальше оттачивать и шлифовать мастерство на практике!

И поэтому я получил вышку (и даже в армии пришлось отслужить), и семь лет работаю в компании у отца. Папаша перенес уже второй инфаркт — наверное, сынок — то есть я — все нервы в свое время ему вытрепал, вот сердечко и сдает — поэтому сейчас, в основном, я у руля, и, надеюсь, скоро стану полноправным владельцем!..

И я даже женат, прикиньте! Я — и женат! Про это как-нибудь потом подробнее расскажу... Это и часть имиджа — и игра, разумеется, которая когда-то была забавной, но теперь эта кукла мне уже надоела. Хотя не то чтобы она совсем поломана — для имиджа она должна иметь товарный вид. Но

надломлена серьезно — там больше нечего ловить — либо уж доламывать — либо поддерживать в исправном состоянии. Пусть пока будет второе, поскольку она выполняет свою функцию. У меня есть другие игрушки. Они — расходный материал. Их не жалко.

Не, не подумайте. Я никого не убиваю. Я — почти законо-
послушный гражданин. Вам тоже кино¹ вспомнилось? Ага... Я бы тоже так смог, вот только не за свою жену — мне на нее плевать — а просто так, прикола ради. Но нет, явно противоправных действий я не совершаю. А вот если мои куклы после моей игры сами решат выпилиться — это уже не мои проблемы.

Глава 1. Выбор

Илона

Я закрываю дверь за курьером, доставившим из ателье и бережно передавшим мне в руки упакованное в прозрачный целлофановый чехол свадебное платье. Наверное, другая девушка с удовольствием и интересом его разглядывала бы, и еще раз примерила бы с финальными штрихами. Но с момента последней примерки оставались только мелочи по декору – и я же вижу через упаковку, что все в порядке. Да и, чтобы затянуть корсет, все равно нужны помощники.

Я поскорее прячу платье в шкаф. Задвигаю подальше, прикрыв другой одеждой. И не только для того, чтобы Родя не увидел. Причина и в другом. Я сама боюсь на него смотреть. Боюсь думать о том, что уже послезавтра. Вроде, весь прошлый месяц мне было как-то получше, и я даже вроде ждала приближения этого события – а вот эту неделю – прямо накрыло.

Призраки прошлого активизировались – и накинудись на меня с утроенной силой.

Я и боюсь – и стыжусь себя – и чувствую себя виноватой. Мужчины ведь не женятся обычно на таких, как я. Тем более такие хорошие, как Родя. Он заслуживает другой жены! Не такой больной, депрессивной, никчемной – и не такой. Страшное слово назойливо звучит у меня в голове. В

плохие периоды оно всегда приходит на ум и обрушивается разными вариантами того, как можно назвать такую, как я — а эта неделя — определённо очень плохой период.

И Родя вроде бы и знает все про меня — начиная с дяди Сени — но все, да не совсем. Не знает про вебкам, но это кажется не самым страшным. Про это уже и не узнает — был когда-то страх деанона, но с тех пор прошло уже почти 6 лет, этого я давно перестала бояться — да этого и, казалось бы, и не было в моей жизни. Это продолжалось недолго — лишь те три месяца перед первой моей попыткой суицида, приведшей к первой госпитализации в психбольницу, которые я даже практически и не помню. И в которые я была так заморозена, что вряд ли что-то могло уже травмировать меня сильнее. И попытка суицида с вебкамом была никак не связана.

Он не знает про другое. Точнее, знает о самом факте — этот факт я не считала себя вправе скрыть — но не знает подробностей. Не знает про *те трое суток*. Не знает, *сколько их* там было. Об этом я не смогла заставить себя рассказать. И ладно бы это жило только во мне — в моих флешбэках, в моих ночных кошмарах, в жестоком внутреннем голосе, регулярно напоминающем мне, *кто я* — пусть я и помню об *этом* весьма фрагментарно.

И пусть я с тех пор ни разу не появлялась в своем Богом забытом городишке, затерянном на карте России в полутора тысячах километров от Москвы — и, возможно, даже не все участники *той* истории еще живы. Слава, по крайней мере,

точно мертв. Передозировка. Об этом мне несколько лет назад сказала мама. Но мать не сказала мне, что она знает – или чего не знает – о том, *почему* я тогда сбежала из города.

И, когда мне пришлось позвонить ей с просьбой забрать меня из психбольницы – иначе меня не хотели выписывать – мать, к моему удивлению, приехала и несколько дней со мной жила. И даже заботилась обо мне так, как никогда прежде этого не делала. С тех пор мы, в общем-то, и стали более-менее общаться. Но странным было то, что мать ни разу не спросила, почему я сделала то, что сделала.

То ли потому, что предпочла спрятать голову в песок, как после *истории с дядей Сеней* То ли — потому что *знала*. Может, она допыталась у Славы?.. А, может, слухи ходили по всему городу и дошли и до нее? Конечно, *те*, кто был *там*, вряд ли бы рискнули хвастаться правдой – они и мне пригрозили, что убьют и меня, и мою семью, включая брата, если я пойду в полицию – и тому, с холодными голубыми глазами, я поверила. Владу Это имя я запомнила Но ведь преподнести-то можно под разным соусом Бог знает, *кем* считали меня в родном городе.

Может, конечно, и до этого считали, ведь жила же я с на-риком-закладчиком – кто бы поверил, что сама я не употребляла (по крайней мере того, что употреблял он)? А что мне просто некуда было идти, что я просто не могла после *дяди Сени* заставить себя переступить порог родительского дома – кто ж об этом знал?..

И сейчас я боюсь, что мать напьется – а, что она напьется, я не сомневаюсь – и на свадьбе сболтнет что-то лишнее. И то, что Родя узнает *всю* правду – это еще даже полбеды. А вот что узнают все остальные – и я подставлю *его*, опозорю *его* – самого лучшего (и абсолютно незаслуженного) человека в моей никчемной жизни – вот это пугает больше всего.

И, сколько бы я ни говорила себе, что этот страх иррационален – ну с какой стати матери, даже очень пьяной, рассказывать такие вещи про свою дочь?! – но избавиться от него я не могу.

Но отец два года назад умер – а не позвать мать и брата показалось каким-то неправильным — после того, как мать стала добрее ко мне и неожиданно поддержала, как могла, в самые тяжелые моменты. Да и странно бы это было, если бы на свадьбе с моей стороны совсем никого не было из родственников.

И матери, наверное, я все же чем-то обязана за то, что она, хоть, и не проявляя ко мне особой любви и тепла, но все же что-то делала для меня в детстве. Не бухала запоями, как отец, а обычно лишь по выходным и праздникам. Впахивала на двух работах, поскольку отец больше пропивал, чем приносил. Старалась, чтобы мы с братом были сыты и более-менее прилично одеты – чтобы в школе нас не дразнили.

От отца я ничего, кроме зла, не увидела за всю свою жизнь – были только бесконечные запои, пьяная ругань, оскорбления, побои и пьяные дружки, которых я всегда так боялась.

Особенно одного. Любимого дружка отца, так как он единственный еще удерживался на приличной работе и частенько приносил выпивку на всю честную компанию, дядю Сеню. И, как оказалось, совсем не зря...

Мать все же что-то делала, старалась, насколько это было возможно в той обстановке, в которой мы все жили — ей ведь от отца доставалось еще больше, чем нам с братом. Проявляла заботу, как умела. Ее тоже вырастили алкоголики, и научиться ей было, в общем-то, негде. Хотя Гошу она любила больше. Может, потому что мальчик — его, вроде как, даже зачали запланировано спустя шесть лет после моего рождения — отцу нужен был «наследник» — хотелось бы только спросить, наследник чего?! Но я никогда не завидовала и не обижалась. Я тоже очень любила — и люблю — брата, и я рада, что хоть кому-то в нашей семье доставались толики тепла.

Поэтому — мать все же будет на свадьбе. Мне — и Роде — это видится правильным.

И, тем не менее, мысли о ее присутствии пугают меня, и запускают разматывание целого клубка воспоминаний, одно из которых болезненней, страшнее, и постыднее другого.

Но, если уж говорить о детстве — тогда я все же как-то со всем этим справлялась и не то чтобы была уж совсем несчастна. Это я уже позже пришла к выводу, что была обречена с рождения — а тогда хоть и знала, что человек худшего сорта, чем мои сверстники, но все равно еще на что-то надеялась.

Я всегда хорошо училась. Родителям было наплевать на мои оценки – но я училась для себя. Для того, чтобы на мне не поставили позорного клейма дочери алкоголиков. И с одноклассниками у меня, слава Богу, складывалось неплохо. И у двух моих подруг дома ко мне хорошо относились и с радостью принимали, несмотря на то, из какой семьи я была. Может, жалели. А, может, я и правда не мешала. Наоборот, могла помочь подружкам по учебе – у меня очень легко заходили точные науки, я была лучшей в классе по математике.

Я мечтала, что хорошо сдам ЕГЭ и поступлю в столичный ВУЗ. Наивная дура Правда, в столице я все-таки оказалась

Но случилось так, и, может, это было закономерно для девчонки из такой семьи, как моя, что в шестнадцать лет я начала тусоваться в не самой лучшей компании. И встречаться с парнем старше себя на три года, Славой.

Репутация у Славы была не слишком хорошая – помимо алкоголя и травы, которой баловались в компании все, он порой употреблял и кое-что посерьезней, и ходили слухи (и скоро я узнала, что справедливые), что он был закладчиком, чем и добывал деньги на жизнь и дурь.

Я, конечно, сомневалась, подходящий ли это человек, и на его уговоры лечь с ним в постель соглашаться точно не спешила (хотя, наверное, зря – лучше бы первым был он). Но мне было одиноко. Друзья друзьями – а хотелось любви. Слава мне тогда сильно нравился – и я ему сильно нравилась; по крайней мере, тогда мне так казалось. Вскоре для него

стало иметь значение только одно

Потом я не раз задумывалась – когда наступила точка невозврата?.. Когда меня изнасиловал дядя Сеня?..

В ту ночь родители валялись в отключке, брат был в лагере, отцовские собутыльники разошлись по домам, и я наконец дождалась возможности пойти в душ. А, когда вышла оттуда в полотенце, этот урод стоял в коридоре и смотрел на меня – бухой в хлам отец не в первый раз забыл запереть дверь, и он зачем-то вернулся. Я вырывалась, кричала и звала на помощь, но он был здоровым боровом – что я могла?.. А на помощь никто не пришел.

А наутро, когда отец и мать очухались, и я, плача, им все рассказала – отец запретил заявлять в полицию – он в очередной раз сидел без работы, и бухло, покупаемое щедрым Сеней, оказалось дороже дочери. Мать попыталась ему возразить, но получила оплеуху и замолчала.

Или когда я тем же вечером собрала все свои вещи и ушла жить к Славе – зная, кто он, и догадываясь, чем он промышляет?.. Это был, как мне спустя пару лет подсветили, уже *мой выбор*.

Или когда в тот же вечер была вынуждена согласиться на интим – только на таких условиях он был готов со мной жить — хотя это было последнее, чего мне хотелось тогда. Еще и выслушала уничижительное заявление в свой адрес, что «динамила» его, «строила из себя целку» Но признаться, что произошло накануне, я так и не решилась – и все же тогда

было так невыносимо горько и обидно Но я сделала *выбор* – и не ушла.

Или когда осталась с ним – точнее у него – отношений уже толком и не было – когда он плотно подсел на тяжелые наркотики.

Тогда мне казалось, что это все же лучше, чем дома. Когда его зависимость прогрессировала, и квартира потихоньку стала превращаться в притон – уже перестало казаться.

Я вместе с ним не употребляла, ни разу, хоть он и пытался меня подсадить. Я старалась жить настолько нормальной жизнью, насколько это было возможно в той ситуации. Несколько раз в неделю по вечерам я подрабатывала, моя полы в салоне красоты, ведь практически все, что Слава «зарабатывал», он тратил известно, на что.

И я продолжала учиться – правда, уже без прежнего рвения и особых надежд – как-то все поблекло, потеряло смысл после изнасилования (да и, буду честной, интим со Славой, пока я к нему не привыкла, тоже воспринималось мной как насилие – возможно, уже мое собственное насилие над собой).

Сейчас понимаю, что тогда я уже была в депрессии, но просто не понимала, что это она. И жизнь просто текла по инерции. Время от времени я, уже без Славы, появлялась в прежней компании, и выпить или покурить в моменте немного вытаскивало меня, вот только потом я проваливалась еще глубже. ЕГЭ я сдала плохо. Про престижный Мос-

ковский ВУЗ можно было забыть — да мне уже и не хотелось. Я подала документы в институт в соседний небольшой город, но и туда была не уверена, что хочу. Если уж совсем честно — иногда я начинала задумываться о том, не вмазаться ли мне вместе со Славой. И пошло оно все к чертовой матери!

А потом случилось *это*.

Вскоре после того, как я узнала, что меня зачислили — вот только так и не понимала, надо ли мне оно. Валяясь в спальне и тупо пялясь в смартфон, я услышала, что кто-то пришел — по голосам — двое. Потом пошел разговор на повышенных тонах. Потом — в нем стали звучать пугающие фразы — а затем послышались звуки ударов, стоны Славы и его перепуганный, умоляющий лепет: — Я все отдам! Отработаю! Не надо! У меня сейчас нет денег, правда! У меня ничего нет!

Это было правдой. Все, что можно было продать, он уже продал.

А, может, точка невозврата наступила, когда я, движимая непонятным идиотским порывом, которого Слава точно не заслуживал, выбежала из спальни и попыталась защитить его от двух крупных и очень злобных парней?..

И я сто раз потом спрашивала себя, что бы было, если бы я этого не сделала — тронули бы они меня или, все же, нет?..

А потом один из них сказал:

— А ты говоришь, что у тебя ничего нет! А это что за телка? Твоя?

— Да.

— Наркоманка? – Деловито поинтересовался второй. А на лице моего парня, который, похоже, уже готовился в смерти, появилась надежда?

И он отчаянно замотал головой: — Нет, нет, чистая, она ни разу, руки посмотрите!

И они посмотрели – а потом один спросил другого: — Ну что, возьмем телку – и дадим отсрочку?

И другой деловито заметил: — А если она от тебя заразу подцепила?

— Да я всегда одноразовыми, вы чего?!...- затараторил Слава. – Да и мы с ней никогда без этих...! Ни разу! Да и вообще давно уже ничего не было!

И тогда этот второй сказал, злобно улыбаясь: — Ладно, на месте разберемся, гондоны, если что, всегда можно надеть.

А Слава, на которого я в ужасе перевела взгляд, так и не посмотрев на меня, бормотал: — Пожалуйста! Пожалуйста! Она правда чистая!

А потом один из них достал нож и сказал, что, либо он исполосует мне лицо, либо я пойду сама – тихо и без глупостей И я пошла – и это ведь тоже был *выбор* – это слово с тех пор преследовало меня постоянно, во сне и наяву Ведь можно же было закричать, попытаться позвать на помощь – и пусть бы делали, что хотели – да можно было хоть выброситься в окно – все равно жизнь после этого уже точно перестала быть жизнью.

И они посадили меня в машину и увезли в какой-то загородный дом, прихватив с собой и мой паспорт и телефон, и даже кое-какие личные вещи – белье, одежду и мыльно-рыльные принадлежности («им не нужна была грязная телка»), которые Слава им *с готовностью* собрал. И продержали меня трое суток, в основном, в подвале, и я думала, что уже не выйду оттуда – либо меня просто не выпустят живой, либо продадут в сексуальное рабство.

И их там было не только двое – приходили и еще – и я так и не могла вспомнить, еще трое — или ещё четверо.

И они мне что-то давали, чтобы была спокойнее и покладистее, и это было, наверное, спасением, но когда в последний день один из тех, кто меня туда привез, опять собирался меня чем-то накачать, зашел второй и сказал: — Не надо, Влад через час подъедет. Он сказал, что потреблять полудохлое мясо ему не интересно.

И я запомнила эту фразу. И самого Влада я запомнила лучше других. Светло-голубые глаза, почти прозрачные, с темным ободком, которые могли бы быть красивыми, если бы не были такими холодными, и мощные руки в устрашающих наколках, причинившие мне столько боли.

Тогда я точно думала, что умру, но нет Значит, мне предстояло умереть утром, когда этот Влад посадил меня в свою дорогую машину и куда-то повез вместе с сумкой с моими вещами. Я думала, что убивать – сразу в лесу, чтобы не попасться с трупом.

И, наверное, Расскажи я кому об этих днях — и все бы подумали, что я переживала все это время полнейший ужас Но ужас был, когда я ехала *туда* в их машине — он пришел на смену отрицанию — пока машина не тронулась, мне всё казалось, что «ну не можно быть». Что поугаают — и отпустят.

Когда же стало ясно, что нет — я без сомнения и сопротивления принимала то, что они мне давали А в последний вечер, с Владом Тут мне немного помог тот урод дядя Сеня.

Тогда, с ним, у меня в первый раз — ненадолго — получилось вылететь из тела. Оказалось, что это — очень ценный навык — видеть со стороны и не чувствовать. Жаль только, что не получалось в него не вернуться. И с Владом я вылетала — и возвращалась Вылетала — и возвращалась.

А потом пришло смирение Даже перед мыслью о вероятной скорой смерти — я ведь все равно ничего не могла сделать. Ну, значит, так. Таков будет мой конец В какой-то момент это уже даже стало представляться избавлением.

Но он привез меня на автовокзал. И сказал голосом таким же холодным, как и его взгляд: — Ты же понимаешь, что будет, если ты сунешься к ментам? Ребята тебя пробили – братишка у тебя есть Что тебе себя не жалко – это ясно, иначе бы ты с наркошей-закладчиком не жила. Но его-то жалко, а? А мать?..

И я кивнула.

А потом он добавил: — Ты же понимаешь, что это был *твой выбор*?.. Который ты *сама сделала*, живя с торчком

Действия имеют последствия Может быть, мы тебе даже помогли – он тебя бы в любом случае посадил, рано или поздно А сейчас ты можешь сделать *выбор* еще раз Можешь пойти к ментам – но тогда ты знаешь, что произойдет.

У нас все будет нормально, ты ничего не докажешь, а мы разрулим, не сомневайся. Плохо будет только у тебя и твоей семьи Или можешь вернуться к торчку, который тебя продал, чтобы спасти свою никчемную шкуру, и сесть на иглу Или Ты можешь уехать, прямо сейчас, куда хочешь — и начать новую жизнь — Он протянул мне паспорт и телефон.

— Мне не на что, — безжизненно ответила я.

И он тогда он протянул мне деньги и сказал: — Лично мне этот торчок был ничего не должен, ребята со мной тобой по дружбе поделились, а я тебя нормально помял. Поэтому – бери, заработала. Хватит на билет и на пару недель скромной жизни хоть в Москве – а там – разберешься.

И я взяла... Мне кажется, что этот момент вызывает самый мучительный, самый чудовищный стыд И это тоже был *выбор*, за который я с тех пор себя больше всего себя ненавижу.

Ведь я могла швырнуть ему эти деньги в лицо, могла съездить ему по морде — и пусть бы убивал – эта жизнь была мне больше в любом случае не нужна – но я *взяла*. И доплелась до кассы. И следующий автобус был как раз до Москвы.

Учиться в ВУЗе в соседнем городе я в любом случае уже не собиралась. И я купила билет до столицы и бутылку воды.

И села в автобус, не чувствуя ни страха, ни стыда, ни боли — ничего, только усталость. И, когда автобус тронулся, прислонилась виском к стеклу и закрыла глаза. И большую часть дороги проспала.

Выбор Выбор Твой выбор

Когда именно я окончательно и бесповоротно слила свою жизнь в унитаз?!..

Потом было одно видео-сообщение брату, что я якобы ушла от Славы и заранее поехала в соседний город, где пока поработаю — отправила, чтобы не искали. Хостел, а затем — съемная комната в коммуналке на окраине, вебкам, пребывание в режиме глубокой заморозки в течение трех месяцев, после чего — резкая и внезапная разморозка, попытка свести счеты с жизнью, не приведшая к нужному результату из-за не вовремя вернувшейся соседки, и — психбольница.

Потом мать, с которой мы с тех пор начали кое-как общаться. Некоторое улучшение на лекарствах. Работа в супермаркете на кассе, курсы маникюра и даже работа в салоне.

И новая съемная комната. И новая соседка, с которой мы «нашли друг друга». Отказ от лекарств. Алкоголь. «Клубные» наркотики. Случайные связи. Не «иногда бывали» мужчины, как я сказала Роде — а было много мужчин, очень редко я уходила из клуба или бара одна. Когда тебе двадцать, и ты красива и на все готова — познакомиться на одну ночь никакого труда не составляет.

Сколько их было за несколько месяцев? Точно больше двадцати... Может, двадцать пять?.. Или тридцать?.. Или еще больше?.. Я не помню – это был какой-то сплошной туман и угар.

Зачем?.. Я не знаю Вернее, как не знаю? Знаю, просто могу назвать очень много причин:

Забыться и испытать какие-то приятные переживания с помощью веществ и секса под ними.

Почувствовать себя кому-то нужной – пусть таким способом (Правда на утро у меня очень редко возникало желание с кем-то из этих кого-то увидиться еще хотя бы раз).

Наказать себя.

Разрушить себя.

Убежать от страшного стыда, накрывающего на утро, предвкушением того, что скоро – возможно, уже тем же вечером — я снова что-то в себя залью, вдохну или закину — и опять буду с кем-то, с кем в моменте мне будет не ужасно.

И — получить с некоторыми из них *то*, что мне стало нужно после *тех* трех суток, то, в чем я никогда не признаюсь Роде и не попрошу его об *этом* – но *что* я представляю даже с ним, когда мы близки, чтобы дойти до финальной точки (когда, конечно, я вообще могу что-то чувствовать).

И постепенное прогрессирующее ухудшение состояния Селф-харм. Вторая попытка суицида через полтора года после первой. На сей раз я попробовала другой способ – и снова не до конца. Мое тело, в отличие от моей души, почему-то

решило, что ему нужно продолжить жизнь.

Опять некоторое улучшение после больницы. Выписка на дневной стационар. Более сильные таблетки. Психотерапия – индивидуальная и групповая. Работа в другом салоне красоты — где, кстати, мне было относительно неплохо — там был чудесный коллектив, и я нашла подруг, с которыми общаюсь до сих пор. Правда, я почти все время была в «маске» — и все же какие-то лучики тепла согревали.

А потом — непонятно как случившиеся (и непонятно зачем нужные) отношения с абьюзером, с которым познакомилась, когда он приходил стричься в наш салон И который, после краткого периода внимания и заботы, на которые я купилась, меня жестко унижал сначала морально, а потом стал мутузить, как грушу. Но чего еще было ожидать такой, как я?.. А, может, мне казалось, что именно это мне и нужно?..

И от которого, когда он однажды стал меня бить на людях, меня спас Родя. Так мы и познакомились На его беду.

И теперь мы женимся. Разве это возможно?! Это нечестно, я обманываю его! Я – лгунья, самозванка — а он не понимает, кто я такая, какое я грязное, последнее на свете ничтожество!..

Мне очень сильно хочется себя порезать Можно же это сделать в том месте, где не видно. Лезвия у меня уже некоторое время припасены и спрятаны – с тех пор, как демоны прошлого накинудись на меня в преддверие свадьбы.

И я встаю – и иду в ванную – и тут дверь открывается, и

входит Родя. Ему, я заметила, перед свадьбой наоборот стало лучше — и он с такой любовью и счастьем смотрит на меня — и в этот раз он точно без «маски»!

Он любит меня! Так любит! И он правда счастлив! И, глядя сейчас ему в глаза, я верю, что ему действительно не важно, что со мной было — он же мне когда-то сказал, что ничто из моего прошлого не сделает меня хуже в его глазах! И что я ни в чем не виновата! И что ему жаль — очень — что в моей жизни было столько *боли* — не *грязи*, он не считает это *грязью* — но он от этого меньше любить меня не будет — только будет больше беречь, и никому не позволит обидеть снова!

Может быть, сейчас правда не имеет значения, сколько их *тогда* было, и сколько суток *это* продолжалось, и сколько *всяких случайных* было потом?!

Может быть, все-таки, я не последнее ничтожество — а человек, которого все же можно любить?! Может быть, *выбору Роды* можно поверить — он же умный и чуткий человек — он бы не выбрал *ничтожество*?!

И он меня обнимает — и я вдруг начинаю реветь у него на груди, а он гладит меня так нежно по голове и говорит удивленно: — Ну ты что? Что случилось, Илюшенька, родная?

И мне опять становится тепло — и я решаюсь ещё раз встретиться с ним взглядом — и сказать полуправду, что очень нервничаю перед свадьбой... И он снова прижимает меня к себе, и, успокаивая, снова повторяет, что все будет хорошо, обязательно будет.

И, кто знает, а вдруг наша женитьба — подтверждение нашей уверенности в том, что мы хотим прожить друг с другом жизнь, несмотря ни на какие преграды — действительно была бы моим, *нашим* шансом?! И все бы получилось, и после свадьбы мы бы правда стали счастливее?!

Если бы я снова не сделала неверный *выбор*...

И опять же, в какой момент это произошло? Когда я пошла *туда*, куда (видимо, неспроста) не хотела идти?.. Или поддалась на *те уговоры* подруг, на которые, я знала, мне *нельзя* было поддаваться?.. Или когда решила *чуть-чуть* пощекотать нервы, хоть и почувствовала опасность?.. Или — когда не решилась признаться *в том*, в чем уже точно не имела права не признаться — какие бы последствия не повлекло бы за собой это признание?!

В общем, если до того, чему в скором времени предстояло произойти, еще была какая-то надежда на то, что Родя своими заботой и любовью смог бы сделать из точки в моей жизни все же многоточие, оставляющее надежду, то после этого совершенно однозначно наступила бесповоротная и необратимая *точка невозврата*.

Глава 2. До и после

Родя

Сегодня Илона наконец стала моей женой... Осознание этого переполняет меня целой гаммой чувств — любовью, нежностью, счастьем — но и огромной ответственностью, и определенной тревогой. Я понимаю, что моя жена — очень травмированный и не вполне здоровый вследствие этого человек, и что я отвечаю за ее благополучие. И при этом — что как раз вызывает тревогу и растерянность — я понимаю, что не все зависит от меня. Что я могу очень стараться помочь ей — и я вижу, что она очень старается справляться со своей болезнью — вот только этого, к сожалению, мало. И зачастую невозможно предвидеть, когда и почему наступит ухудшение.

Вот, например, свадьба: вроде бы, мы вместе радовались ей — насколько могли, у меня с радостью тоже было не очень — не так, как у нее, конечно. Но я решил согласиться на предложение моего врача попробовать новый современный антидепрессант, и мне быстро стало лучше. Жизнь расцвела красками! Я даже пожалел, что не начал принимать препарат раньше. Я понял, что если те позитивные эмоции, которые я испытываю сейчас, взять за сто процентов, то раньше было... процентов тридцать?

Я с радостью встречаю теперь каждый новый день и с ин-

тересом и удовольствием замечаю то, чего раньше вообще не замечал. И небо, как говорится, стало ярче и голубее, и трава зеленее, и еда вкуснее. И любовь к моей жене я теперь ощущаю с еще большей остротой — хотя я и до препаратов я ее любил, конечно, не на тридцать процентов. Ее я всегда очень любил.

Вот только... почему не находится такого врача, таких лекарств, которые могли бы помочь Илоне?! Чего ей только ни прописывали, какие комбинации не назначали — от которых были только разнообразные побочки — а толку не особо много. Та терапия, которую она сейчас получает — комбинация из трех разных препаратов — пожалуй, самое удачное из всего, что ей назначали. И переносит она ее хорошо. Вот только до выздоровления все равно еще бесконечно далеко... Но я уже принял, что, возможно, выздоровления и не будет. Ну что же, значит так. Будем жить с этим. Она мне бесконечно дорога такая, какая есть.

Ушел я в сторону от того, как свадьба повлияла на Илону... Сначала мы, вроде, оба радовались, хоть в какой-то мере, а потом я заметил, что ее состояние стало стремительно ухудшаться. Какая-то непонятная мне, зашкаливающая тревога, частые слезы, это выражение непереносимой душевной боли в глазах... И я догадываюсь, какие в ее голове крутятся мысли — опять что она плохая, недостойная; и что, такая больная, она портит мне жизнь... Я столько раз ей говорил, что ее прошлое — это ее беда, а не вина, и что в том зле, ко-

торое с ней произошло, виноваты те, кто это зло совершил, а не она; и что она мне дорога любая — и она дает мне гораздо больше, чем сама замечает — но она не верит мне...

Я уже не знаю, стоит ли эти слова повторять в очередной раз — помогают ли они хоть сколько-то. Последнее время не делаю этого, просто обнимаю ее, говорю, что очень люблю ее, и что все будет хорошо. Возможно, это работает лучше.

А вчера, накануне свадьбы, что-то совсем ей было тяжело. Может, это я виноват — уговорил ее устроить мальчишник и девичник в четверг — а свадьба уже в субботу. И подружки подбили ее выпить — а с таким коктейлем лекарств алкоголь смешивать нельзя, разумеется. Но ей было так тревожно, что она выпила — и ей наутро было и физически плохо, и эмоционально — у нее случилась паническая атака, потом она пролежала весь день, а весь вечер она рыдала. И опять эти терзающие ее голоса из прошлого — и эти фразы, что она меня якобы недостойна, и, «может быть, я еще одумаюсь и отменю все?!» И взгляд, полный бесконечной муки, и слова: «Ты не все про меня знаешь! Поверь мне, я не заслуживаю того, чтобы ты на мне женился!»

Я давно предполагал, что, возможно, те страшные истории, особенно одна из них, которые Илона рассказывала, были еще ужаснее на самом деле, чем она преподнесла их, но я понимаю, что, возможно, мне и не стоит знать всего. Если она сама захочет рассказать — конечно, я все готов выслушать и принять... Но она и так нашла в себе столько смелости

сти, чтобы быть честной и поделиться такой болью и тем, за что она испытывает такой стыд... Убил бы тех, кто это сделал с ней!

И я ответил ей, что мне нужно знать только то, что она сама мне готова рассказать. И что для меня важно только то, что я люблю ее, а она — меня. И она тогда так сильно прижалась ко мне, прямо вцепилась в меня, и так невыносимо горько плакала — что я уже засомневался, правильно ли поступил с предложением этой свадьбы — может, я делаю ей только хуже?! Жили бы, как жили, какая разница?!

Но на следующее утро она успокоилась — и засуетилась, как же она такая зареванная перед свадьбой?! И я помог ей сделать онлайн-заказ всяких масок, патчей и капель от покраснения глаз, потому что у нее у самой тряслись руки. И мы в экстренном порядке нашли девушку, которая делает на дому лимфодренажный массаж лица — и она согласилась приехать уже через два часа. За час до визажиста. Потом все завертелось — первой пришла подружка-парикмахер, за ней — остальные подружки, которые помогут надеть платье и, очевидно, устроят предсвадебные конкурсы — и Илона ожила, а меня «выгнали». Я поехал к свидетелю, вместе с которым нам предстоит «выкупать» невесту.

Потом, уже на самой церемонии, я снова видел, что ей трудно, что она волнуется, я даже боялся, выстоит ли она, и все время крепко держал ее за руку — или за талию. Но она справилась. И на празднике, вроде, даже веселилась. И

ее мать, за поведение которой она боялась, не так уж и напилась и ничего не испортила. Все прошло хорошо... Завтра мы еще немного посидим с самыми близкими — а потом поедem в небольшой медовый месяц на Валдай — Илона сама так захотела — никаких Югов, никакого шума и суеты — тишина и спокойствие родной природы. Я охотно поддержал.

И сейчас она уснула у меня на груди. После того, как мы впервые занялись любовью в новом статусе мужа и жены. Милая моя, родная моя Илюша. Я нежно глажу ее, спящую, по голове. Моя такая хрупкая — и такая сильная девочка. Я так люблю тебя... Я счастлив...

За сутки до этого

Илона

Эта идея с девичником не скажу, чтобы сильно порадовала меня. Скорее — растревожила. Я уже сто лет не ходила ни в какие ночные заведения без Роди — да и с ним-то нечасто. Бывало, отмечали там день рождения кого-нибудь из его друзей. Ну или Карина с парнем нас звали. Но с Родей мне всегда было спокойнее. А сейчас я пойду без него...

Воспоминания снова отбрасывают меня на несколько лет назад. Клубы, бары, выпивка, прочая дрянь, вереница лиц, которые я не помню, и тел — некоторые из которых помню лучше. Отели или апартаменты, или чужие квартиры — к себе мы никого никогда не водили — и прямо в туалете заведения тоже бывало...

И ощущение грязи на утро. И, если несколько пощечин не

помогали — то лезвия. Запастья и так в шрамах, которые, я, когда надевала одежду с коротким рукавом, пыталась закрывать браслетами; поэтому, резала там, где не так видно — на внутренней стороне бедер или прямо возле подмышечной впадины. Наказывала себя. Стыд после этого чуть подотпускал. Если это — рабочий день, то в принципе было легче, отвлекалась на работу. А в выходной — ждала вечера, когда можно будет запустить новый цикл саморазрушения...

Чувствую жгучий стыд и трясую головой, пытаюсь прогнать картины из прошлого. Руки так и чешутся себя порезать, но Родя дома, не могу при нем, даже если он не увидит.

Я бы лучше просто посидела с девочками дома, ну или хотя бы в ресторане. Но они уговаривали меня — «да ты что, девичник, надо оторваться!» Да и Родя тоже — что надо как-то ярко отметить, повеселиться! Я не умею без веществ отрываться и веселиться, а никаких веществ — даже немного алкоголя — я употребить из-за кучи серьезных лекарств не могу — да и не хочу. Хочу забыть про ту Илону, которая это делала — и под этим еще всякое творила! Поэтому, весело будет другим — но не мне — мне придется надеть «маску». Но ради Роды и подруг сделаю, раз надо.

Сам Родион идет в бар-бильярд с друзьями. Мне кажется, это как-то более невинно и безопасно. Это не подразумевает возможности танцев с лицами противоположного пола и потенциально возможного знакомства с продолжением. Но Родя доверяет мне так же безгранично, как я доверяю ему.

Это мой внутренний критик пытается заставить меня не доверять себе...

Ладно, ладно, надо успокоиться, все будет нормально. Я тогда — и я сейчас — это два разных человека. Я забронировала столик подальше от танцпола и вообще не собираюсь ни с кем танцевать. А даже если бы и собиралась — танец не подразумевает продолжения, если я этого не хочу. Но я все равно танцевать ни с кем, кроме Роди, не хочу и не буду!

Мы собираемся к десяти — к открытию клуба, поскольку в два мне лучше уже быть дома, чтобы нормально выспаться перед завтрашним хлопотным днем. Нас четверо, и все с моей бывшей работы, с которой я ушла год назад из-за затянувшегося тяжелого депрессивного эпизода. Сейчас я, если могу, беру клиентов на дом — и их хватает, у меня теперь достаточная своя база. Если про меня спрашивали клиенты салона, Карина, тоже мастер маникюра, не нарушая напрямую этику, не давала мой контакт, но говорила, что меня можно найти в соцсетях под таким-то ником. Поэтому, благодаря ей, у меня есть работа. Спасибо ей!

Кроме нее — еще два парикмахера — Алина и Вика — веселые девчонки, находящиеся в свободном полете, и они не скрывают, что надеются с кем-то познакомиться. Искренне им этого желаю, а я тихонько посижу и поболтаю с Кариной. Она — моя лучшая подруга — мы довольно долго делили вместе один кабинет. Она классная — добрая, отзывчивая (я, вроде, тоже такая) — но позитивная, в отличие от меня.

Не думаю, что она тоже в «маске» — «маску» я хорошо умею различать. И она единственная из всех про меня чуть-чуть знает — немного — про пьющих родителей, депрессивные состояния и прием медикаментов. Не думаю, что кому-то, кроме Роди, даже подруге, стоит рассказывать что-то еще...

Сегодня она, правда, не особо на позитиве. Она поругалась со своим парнем Виталиком, и они весь вечер выясняют в переписке и по телефону отношения. Блин, какая несправедливость, что у такой классной девчонки — такой неуравновешенный парень — у них постоянные качели! Но при этом она, в целом, живет и радуется жизни! А такому ничтожеству, как я, достался самый лучший...

Мы приходим в клуб, и там сначала довольно малоллюдно, мне, в принципе, не слишком тревожно и небезопасно. Я заказываю еду и выпивку девчонкам, себе — сок, сразу предупреждая, что я не беременна — не пью, якобы, из-за частых мигреней, не хочу испортить себе свадьбу. Лучше бы я сказала, что беременна — Алина с Викторией мне сочувствуют и пытаются уговорить «хоть чуть-чуть», «ну как же, девчонки!» Карина поддерживает меня и просит от меня отстать.

Потом народ потихоньку набирается, становится многолюдно, и моя тревога возрастает. Снова флешбэки... Потом приходит сообщение от матери — они с братом приехали вчера и остановились в апартаментах, которые мы с Роди ей сняли. Абсолютно безобидное сообщение с организационным вопросом по поводу послезавтра, но мне кажется, что

у него какой-то не совсем трезвый оттенок, начиная с «до-чушка» — она меня так называла всего пару раз в жизни, и тогда не была трезвой. И я снова начинаю загоняться еще и по поводу этого.

Через какое-то время девчонки все же уговаривают меня пойти на танцпол — и я соглашаюсь — почему нет — быстрый танец — и, вроде, я чуть отвлекаюсь от тревожных мыслей. Но потом внезапно начинается медляк — и я не успеваю смыться — какой-то мужчина приглашает меня на танец. Сначала хочу сказать «нет», но потом смотрю на него — и он мне видится точно не тем, что несет какую-то угрозу с какой-бы то ни было стороны. Внешность не маскулиная и вообще мало привлекательная. Да и, блин, нельзя же настолько себе не доверять — что от любого мужчины шарахаться. Я принимаю приглашение — и мы просто танцуем — точнее, довольно скучно перетаптываемся на месте. Наконец, танец заканчивается и я, поблагодарив за него, спешу смыться на место.

И все равно, когда я с ним танцевала, я ощущала какую-то непонятную, но нарастающую тревогу, которая неприятно сосала под ложечкой. Но она была связана не с этим мужчиной, точно. Просто... Мне казалось, что на меня смотрят... Меня узнал кто-то из тех, с кем я спала?!. Или чьи грязные запросы реализовывала когда-то перед камерой?!. Да ну, бред, не может быть, столько времени прошло!.. И все же мне страшно. Похоже, у меня развивается паранойя...

Когда я возвращаюсь к нашему столику, там уже сидит Карина и строчит сообщение, я замечаю, что у нее потекла тушь. — По ходу, послезавтра я буду у тебя на свадьбе одна! — Сообщает она. — Ну и пошел он на хрен, козлина!

— Кариш! — Я обнимаю ее за плечи. — Все обойдется! Сколько раз вы уже ссорились и мирились!

Может быть, для Карины было бы лучше, если бы все это действительно поскорее закончилось — погоревала бы немного и нашла бы себе нормального — но, мне кажется, это совсем не то, что она сейчас хочет услышать.

Тем временем возвращаются Алина и Вика и сообщают, что познакомились с классными ребятами, и те зовут их за свой столик. Спрашивают, не против ли я, «мы же еще увидимся на танцполе!» Блин, я, конечно, не против, они же хотят познакомиться, но вдвоем как-то будет совсем некомфортно. Думаю, может, мы скоро тогда и пойдем?.. Карине тоже явно не до веселья.

— Выпьем?! — Предлагает Алина перед тем, как покинуть наш столик. И смотрит и на Карину, и на меня.

— Выпьем! — Кивает расстроенная Карина.

— Илон?! — Вика умоляюще смотрит на меня.

«Черт!» Мне так тревожно, так хочется выпить... «Ладно, от одного бокала ничего не будет!» — Думаю я. И выпиваю, к всеобщей радости, пару глотков. Потом девчонки уходят, а мы с Кариной остаемся — и она жалуется мне на Виталика, и я ее поддерживаю, как могу, и потихоньку допиваю бокал.

И шампанское, наложившееся на таблетки, действует в разы сильнее, чем это было без них. Я пьянею. Мне становится спокойнее — и веселее — но при этом и как будто уже начинает подрубить.

А потом у Карины звонит телефон, Виталик, естественно. Она пытается с ним разговаривать, но музыка мешает, и она говорит, что выйдет в туалет, где потише. Я киваю, мне вообще нормально. Она уходит. И вдруг...

К столику подходит мужчина — привлекательный мужчина лет тридцати с бутылкой дорогощего шампанского известной марки и двумя пустыми бокалами в руках — и смотрит на меня. И мое сердце бешено колотится. Я смотрю на него...

И не могу понять, почему мне так тревожно. Я не узнаю его, хоть убей не узнаю. Хотя тут довольно темно, но все равно... Мне кажется, что мы не знакомы. И все же что-то в его лице... Я не понимаю, что именно, но очень настораживает и... очень нездоровым образом волнует меня.

Хотя он улыбается очень приветливо и просит разрешения присесть.

— Нет, — качаю головой я. — Сейчас моя подруга вернется, и мы уже уходим.

— Так рано? — в его лице появляется легкая грустинка.

— Да, мне надо готовиться к очень важному дню.

— Вот как? А к какому, если не секрет?.. Можно я все же присяду, пока ваша подруга не вернулась? А то неудобно

стоя разговаривать, и плохо слышно.

Я не успеваю ответить, а он уже сидит за столиком, и мы уже разговариваем.

Мне не по себе, я ищу глазами Карину, но ее разговор, видимо, затянулся.

— К свадьбе, — отвечаю я, надеясь, что это охладит его пыл.

— О, поздравляю! — Он расплывается в широкой улыбке, в которой есть что-то неестественное — я смотрю и не могу понять, что же меня так настораживает. — То есть, мне, конечно, жаль, что такая красивая девушка связывает себя узами брака, но, если вы рады — то и я за вас! Надеюсь, что ваш избранник вас заслуживает?

— Он — самый лучший на свете! — Честно отвечаю я. — «Это я его не заслуживаю!» — Добавляю про себя.

— Ну, поздравить-то я вас могу? По одному бокальчику этого отличного шампанского — и, клянусь, ухожу и больше не потревожу! Кстати, Дима.

— Илона.

Черт меня дернул согласиться! Зачем я это сделала?! Ведь чувствовала же, что и первый бокал пить не стоило, что я уже поплыла!.. Но, видимо, поэтому и согласилась, что, как говорят психиатры, «снизились критико-прогностические способности». И еще потому, что хотела заглушить тревогу, которую этот мужчина во мне вызывал. И еще... потому, что увидела в нем что-то темное, и это темное как будто подняло

со дна моей души ту мою темную сторону, которая появилась после определенных событий...

Нет, я готова поклясться чем угодно, что никаких мыслей о том, чтобы хоть как-то *переступить черту*, у меня не было — просто как будто хотелось позволить себе немного подольше покататься на этих американских горках, просто находясь рядом с *опасным* человеком — когда и страшно — и завораживает. Да, исходящую от него опасность я определенно почувствовала — но, видно, мало жизнь меня учила... Как же я могла забыть, что *действия имеют последствия*?!

Но я как будто забыла и подумала, что ничего страшного не произойдет — сейчас придет Карина — и мы уйдем, а *этот* пойдет клеить кого-то еще... Я ошибалась. Этот бокал — это был еще один неверный *выбор*, пусть уже нетрезвый выбор, но сделанный *мной*, когда я еще отдавала себе какой-то отчет в своих действиях... Кажется, я потом согласилась с ним потанцевать... А вот что было дальше — я уже не помню.

Я просыпаюсь — и не понимаю, где я. Не дома. Это, должно быть, дурной сон?! У меня сразу начинается паника — меня отшвыривает в прошлое — так я просыпалась в *том* доме, каждый раз сначала не понимая, где я. Именно поэтому, с кем бы из случайных партнеров я ни занималась сексом — я всегда возвращалась домой. Чтобы не переживать этого чувства — как и стыда, когда потом просыпаешься с человеком, которого больше никогда не хочешь видеть!

И все-таки где же я?.. Я резко сажусь, пытаюсь осмотреться. Глаза привыкают к темноте. Я вижу полоску света, пробивающуюся из-под двери санузла. Вижу цифру «двадцать три» на кондее. Вижу красный огонек телевизора, висящего на стене... Я в какой-то квартире — или номере... Я разде- та... И я... не одна... Я слышу чье-то размеренное дыхание рядом, заставляю себя посмотреть и вижу силуэт спящего человека. И нет, это не кто-то из моих подруг. Это — муж-ской силуэт.

Боже... Нет, нет, это сон! Этого не может быть!

Я больно щиплю себя — это я хорошо умею, годы прак-тики — но не просыпаюсь. Потому что... похоже, не сплю!

Нееет! Нет! Нет! Я ощущаю приступ тошноты — то ли от того, что смешала алкоголь с таблетками — то ли от про-исходящего. Я справляюсь с ним и изо всех сил пытаюсь вспомнить. Клуб... Мы с девчонками... Потом танцы... По-том мы вдвоем... Потом Карина уходит... Кто-то подошел, какой-то мужчина, и я с ним выпила и, вроде, потанцевала... Все, дальше — темнота...

Тут в беззвучном режиме начинает вибрировать мой те-лефон, лежащий в клатче, брошенном на пол возле кровати. Я же, вроде, не ставила на беззвучный?..

Я тянусь за сумочкой, достаю телефон и вздрагиваю. «Ро-дя». Зажимаю себе рот рукой, чтобы не закричать от ужаса и отчаяния. Во второй руке сжимаю смартфон и жду, когда же он уже перестанет звонить. Когда это, наконец, происхо-

дит, вижу, что время не такое уж и позднее — без четверти три, и он звонил только первый раз. От этого, конечно, уже не легче... Что же я натворила?!

А вот от Карины — двадцать два пропущенных! Боже! Я тихонько встаю, чтобы только не разбудить спящего мужчину, свечу телефоном, чтобы найти свои вещи. Нахожу на полу и предмет, который в такой ситуации должен успокоить — но только самая законченная тварь может так рассуждать!.. Чувствую, что плачу. Прокрадываюсь на нетвердых ногах в санузел и закрываю дверь. Мне ужасно плохо, меня тошнит, и я не сопротивляюсь рвотному позыву, полощу рот, пью воду прямо из-под крана — физически после этого чуть отпускает. И, боясь говорить вслух, пишу подруге паническое сообщение: «Карина, я не понимаю, где я!» Узнаю от нее, что она уже больше часа сидит в баре напротив апарт-отеля, где приложение определило мое местонахождение, и пытается дозвониться до меня.

— Ты в порядке?! — Пишет она.

— Не совсем, — отвечаю я.

— Ты можешь выйти?

— Да, — пишу я, хотя сама думаю, а вдруг нет, вдруг он меня запер?! Но нет, это — апарт-отель, здесь вокруг люди, и стены, должно быть, картонные. Он не сможет меня здесь удерживать. — Я выйду через пять минут.

Карина обещает ждать у входа. Я очень спешно принимаю душ — не могу же я принести домой запах чужого мужчины

на себе. Хотя все равно я во всем признаюсь — и тем не менее. Смываю с лица растекшуюся тушь, сую в рот жвачку, одеваюсь и крадусь в выходу.

Перед тем, как покинуть апартаменты, все же не выдерживаю и, светя фонариком не прямо на спящего мужчину, а на стену выше, пытаюсь рассмотреть его лицо... Да, похоже, этот тот, кто подошел ко мне в клубе... Ну естественно, что тот...

Я выскальзываю наружу и несусь к лифту.

Внизу у входа меня встречает взволнованная Карина, я падаю ей на грудь и реву:

— Что я наделала?! Что я наделааалаааа!

Карина обнимает меня и говорит:

— Прости меня! Это я ушла и на полчаса зависла в сортире, будь этот Виталик трижды не ладен! А, когда вышла, тебя не было, и девчонки сказали, что видели последний раз, как ты с кем-то танцуешь, а больше тебя не замечали. Я им потом сказала, что ты поехала домой.

— Зачем?! — Удивляюсь я.

— Затем, что, если ты ушла с кем-то, им не нужно об этом знать! Не видели — и слава Богу!

— Да какая разница теперь?! — Плачу я. — Я должна сказать Роде!

— Не вздумай! — Качает головой Карина. — Вы предохранялись?!

— Я ничего не помню, — качаю я головой, — но презер-

ватив на полу я видела.

— Отлично!

Я дико смотрю на нее.

— То есть я не то хотела сказать, — поправляется она. — Но раз, по крайней мере, не надо переживать о возможных последствиях — это значит, что уже пол беды!

— Нет, — качаю я головой. — Карина, ты что, не понимаешь?! Я изменила Роде! Самому хорошему, самому преданному, самому верному человеку на свете! Я обязана ему все рассказать!

— И что это даст?! — Спрашивает подруга. — Ты разобьешь ему сердце! Кому от этого станет легче?! Тебе?! Ему?! Никому! Ты говоришь, что ничего не помнишь — вот и не было ничего! Ты выпила бокал, заснула за столиком в ресторане — и тебе все приснилось! Слышишь?! Не ломай себе и ему жизнь! Я тебе честно скажу: я понятия не имею, изменял мне Виталик или нет — но я бы предпочла не знать. Родион тебя может пропасти по телефону?

— Нет, его нет в этом приложении, и никаких других мы не устанавливали.

— Ну и все! Забудь! Поехали домой!

Я молчу. Я не знаю, что ответить и как поступить. Может быть, она и права.

Карина тем временем вызывает такси. Когда машина приезжает, и мы садимся на заднее сиденье, снова звонит Родя.

Я подношу трубку к уху дрожащей рукой.

— Алё...

— Привет, я уже дома. Я звонил тебе, ты, наверное, не слышала в клубе, все в порядке? Ты едешь?

— Я... — спазм сжимает мое горло, по моему лицу начинают ручьем течь слезы, я не могу говорить.

— Илюш, ты в порядке?! — Переспрашивает Родя, в его голосе слышно волнение.

Трубку решительно берет подруга.

— Родь, привет! Это Карина. Да, все нормально, просто Илона выпила бокал шампанского, мы ее уговорили, и ей стало нехорошо.

— Что с ней?!

— Да ничего страшного, порядок уже, просто она боится, что ты будешь сердиться. Не ругайся, ладно? Это мы виноваты...

Родя ни разу в жизни на меня не ругался — и все же как натурально звучит это вранье!

Порочный круг вранья запустился...

И оно продолжается, когда Карина расчесывает мне волосы, салфеткой оттирает с лица остатки туши, немного пудрит. — Вот, ничего не заметно, — говорит она. — Чуть-чуть выпила — стало нехорошо — и все, поняла?!

— Да, — рассеянно киваю я, не приняв пока никакого решения.

Когда такси подъезжает, меня прямо у машины встречает Родя. Милый, родной, честный Родя. Огромным усилием

воли я справляюсь с вновь рвущимся наружу рыданием.

— Как ты? — спрашивает он.

— Ничего, — выдавливаю я из себя.

— Пойдем домой, — говорит он. — Ляжем спать, завтра станет лучше.

И он обнимает меня, и я иду с ним домой, и я ничего ему не говорю... И он укладывает меня в постель, и ложится рядом, и прижимает меня к себе, и это кажется мне кошунством, — у меня теперь точно нет больше права на его прикосновения!

Сон больше не идет ко мне — а ведь послезавтра у нас свадьба... Нужно что-то делать, завершающие хлопоты. Точнее, должна была быть свадьба... Сердце колотится. Голова рвется на части — и в нее начинают лезть то ли отдельные, отрывочные фрагменты воспоминаний — то ли это уже воображение мне подсовывает эти обрывки. Но — нет, я это не придумала!.. Мне не приснилось!.. И я не просто полежала с ним рядом... Это было... Я помню... Помню... Боже!..

Понимая, что не засну, нахожу в ящике две таблетки сильного транквилизатора — после приема алкоголя прошло уже много времени, хуже уже не станет. Кладу их под язык и вскоре, наконец, вырубаясь.

Следующий день начинается с панической атаки, потом весь день лежу, раздираемая стыдом, ужасом и мучительными сомнениями, как поступить. Не могу найти в себе сил чем-то заниматься — естественно, Родя без малейших пре-

тензий берет все оставшиеся предсвадебные дела на себя — как всегда. Вечером все же пытаюсь признаться ему, но мою трусливую фразу, сказанную вокруг да около, он понимает по-своему — и снова начинает меня утешать и успокаивать. Нет, я не могу, просто не могу ему сказать! Не могу перевернуть его веру в этот мир и хороших людей!

Не смогу это произнести... Не смогу выдержать его взгляда, когда он узнает...

И я не знаю, что это — трусость — или здравая рассудительность, которой пыталась меня научить Карина, но я молчу... Реву у него на груди — змея, которую он пригрел — а он меня утешает... И мне в его незаслуженных мной объятиях становится легче...

И на следующее утро я умудряюсь даже каким-то образом вовлечься в свадебные хлопоты, и вскоре вижу улыбающуюся Карину — она как будто и правда ничего и не помнит, и не знает. И потом это происходит — и я становлюсь женой Роди, и я даже в какой-то момент свадебного торжества умудряюсь забыться... И после всего, когда приходит время первой брачной ночи, я ложусь с ним в постель и даю ему все, что могу дать, и демонстрирую получаемое удовольствие, и если сначала это — притворство, настолько мне стыдно — то потом я вовлекаюсь в процесс, и мне правда становится хорошо, вот только в конце я, как всегда, представляю...

Удивительная вещь человеческая психика — неужели я смогу и правда убедить себя, что, если это и было, то оно ни-

чего не значит?! Но на следующий день мне уже чуть лучше, и проще дается вранье. А еще через день мы на машине едем в милый маленький домик на Валдайском озере, где в тиши и спокойствии проводим чудесные августовские вечера.

И однажды мы сидим на берегу на деревянной скамеечке, и любимся закатом, отражающимся в ребристой водной глади — и я чувствую такое тепло, и такое как будто прежде не знакомое ощущение счастья, и какой-то (наверное, здоровый?) голос внутри меня говорит:

«Ты теперь — его жена, а он — твой муж, и это — главное! Подведи черту подо всем, что было! Последний эпизод остался там, до черты! Теперь ты — другая, и у вас новый жизненный этап, все будет хорошо! И, если ты согласишься — ты, может быть, даже поправишься!»

Я крепче прижимаюсь к Роде и говорю ему, как люблю его. И он мне отвечает, что любит меня еще больше. А потом мы оба делимся впечатлениями от этой поездки и договариваемся, что в ближайшее время подумаем о том, чтобы построить свой домик на озере — где-нибудь поближе к Москве...

— Я бы хотела в таком домике когда-нибудь умереть с тобой в один день, — говорю я.

— А я бы хотел прожить с тобой много-много лет, и провести вот так много-много вечеров, прежде чем этот день наступит, — улыбается Родя.

Мне по-прежнему очень тепло — но почему-то и немного

грустно. Я уже не просто прижимаюсь — я буквально прирастаю к мужу и молчу, и смотрю на воду...

Я хочу верить, что нас ждет много-много счастливых лет! Я сомневаюсь, потому что у меня до него никогда так не было... Но теперь — будет. Я чуть было сама все не испортила, но Карина была права: все люди могут ошибиться, иногда сделать неверный выбор. Я душой не предавала Родю. *Так вышло*. Это — за чертой! Теперь все будет хорошо, и нас ждут долгие годы счастья!

И хорошо, что я не сказала. Права была Карина, что есть вещи, которые не стоит рассказывать. Если бы подобное произошло с Родей — это бы не перечеркнуло всего хорошего, что было между нами. Это бы тоже просто *так вышло*. И я бы простила — и он бы не перестал в моих глазах быть прекрасным человеком — но мне было бы больно — поэтому я предпочла бы об этом *не знать*. Проехали! Перелистнули страницу! Мы выбрали друг друга и скрепили это кольцами и подписями в книге регистрации браков! Теперь все будет хорошо, и нас ждут долгие годы счастья!

Другой

Я сразу ее заметил, когда она танцевала с каким-то задротом. Какая красивая кукла — но красивых много, а в этой — знаете, какой-то трагизм в образе, что ли. Не истеричность — терпеть не могу истеричек — а именно трагизм... и естественность, что ли, простота, глубина... Она пришла сюда не снимать мужиков... И мне стало интересно подойти.

Она по ходу была уже не очень трезвая, и один налитый мной бокал ее вообще унес. Во время танца я уже практически таскал ее на себе. Я не думал, что все окажется так просто — подружка же могла прийти в любой момент, и я не бы не успел ее обработать — думал, так, закину удочку, а там — как пойдет — но мне подфартило! Но, когда выводил ее и клуба и сажал в такси, это был уже практически вынос тела — я, если честно, засомневался.

Но решил пока не отказываться от намерений. Ведь интересная же может получиться игра — она выходит замуж! Послезавтра (уже даже завтра, считай)! Измена «самому лучшему» жениху накануне свадьбы! Отличное начало! Дальше могут быть варианты, а начало лучше сегодня положить. Она полулежала на заднем сиденье, опираясь на мое плечо, и не видела, как я достал из ее сумки телефон и выключил на ее нем звук, чтобы никто не помешал моим планам — вибрации она в таком состоянии не заметит.

Правда, трахать телку в отрубе не очень интересно, но у меня есть кое-что, что может помочь ей протрезветь. Дотащив ее до номера, я заставляю ее вдохнуть самую малость — больше боюсь — хрен ее знает, может, она еще под чем-то, раз так резко поплыла. И она слегка очухивается, буквально чуть-чуть. И тогда я тащу ее в ванную, и умываю ее лицо ледяной водой, и поливаю водой верх головы. И вижу ее запястья — на них тоненькие белые шрамики — определенно отшлифованные, но были, очевидно, глубокими. Суици-

дентка или селф-хармщица. Или и то, и другое. Блин, вообще я стараюсь с такими не связываться. Если я захочу — я сам ее до этого доведу, но это не должно быть следствием того, что она просто больная на голову.

И все же я не хочу отказываться. Она мне нравится, и я уже завелся. И ситуация такая пикантная. Выходит замуж!.. Начнем игру — а там посмотрим, куда это приведет... А дальше вдруг становится еще интереснее. Вода еще немного трезвит ее — и она поднимает на меня большие темные глаза с размазанной тушью, что, по-моему, ей даже идет. И пристально смотрит мне в глаза... И в какой-то миг я вижу... ужас...

Да, у меня немного странные глаза, серые, но очень светлые, почти прозрачные, с темным ободком, и я знаю, что у них ледяной взгляд — мне нужно очень стараться изобразить на лице такую улыбку, чтобы она выглядела тепло... Должно быть, в темноте клуба она их не рассмотрела. Но чтобы ужас... Или он связан не со мной?

Может, она пришла в себя и поняла, что оказаться здесь совсем не входило в ее планы? Черт, обидно, но, если захочет уйти — удерживать не стану. Прямое насилие — это не мое. Я играю в другие игры.

Но, сдается мне, тут что-то еще...

Потом она отступает на несколько шагов, в комнату, и я поддерживаю ее, чтобы она не упала. И при этом продолжает, как заколдованная, расширившимися глазами смотреть

на меня. И вдруг просит: — Ударь меня.

Даже для меня неожиданно.

— Что?! — Переспрашиваю я. Уж не подстава ли какая? Потом еще заяву накатает, что избил и изнасиловал, и бабла потребует...

— Ударь меня! — Повторяет она. Нет, я «игроков» хорошо различаю — это я всех наебываю, а не они меня. Она правда этого хочет! И я даю ей пощечину.

— Еще! Сильнее! — Просит она.

И я ударил ее по другой щеке, сильнее, так, что она упала на кровать И потом мы полетали!

И я слышал, как она уходила. Кралась тихо, как мышка. К своему приторно-положительному женишку. Я позволил ей уйти. Пусть думает, что я — лишь однократный ночной эпизод, за который она себя погрызет — и забудет. У меня же есть ее номер телефона — я поднес смартфон к ее лицу, приоткрыл ей глаза и позвонил себе, потом удалил у нее этот звонок, конечно. И пара фоточек — на первой она, голая, спит у меня на груди, и вторая — ее очень миленькая татушка на крестце в виде бабочки. Илоночка теперь у меня на крючке! Приколота булавкой, как бабочка на стенде у коллекционера!

И я уже пробил ее профиль — там очень мало информации, почти все только про маникюр — но профиль ее женишка — мужа уже теперь — я вычислил. А вот этот пару фоток со свадьбы выложил. Красивая пара, как говорят.

Знаете, такое хорошее, многие бы сказали, лицо — такого дурачка — простачка — и имя соответствующее — Родион. И простецкая фамилия — Кузнецов. Был бы хоть Раскольников тогда уж Интересно, Илона, а его ты тоже просишь тебя бить? Что-то сомневаюсь... И как же именно мы включим Родиона в нашу игру?.. Посмотрим.

Хоть и хочется тебе, *милый Родя*², бросить прямо в твою тупую довольную морду, что я трахнул твою бабу, твою *любимую жёнушку* практически накануне свадьбы — и дал ей то, что, уверен, ты не даешь — но мне придется сдержаться. Рано. Когда-нибудь ты узнаешь, обязательно. Но как скоро, и какие до этого я еще сделаю ходы — время покажет. Сценарий я всегда пишу в процессе. Так что, поживи, Илоночка, пока в блаженном неведении, расслабься, выдохни, прости себя за «маленький косяк». А дальше — я о себе напомним. До скорого, ребятки!

Глава 3. Муж и жена

Илона

Проходит месяц с момента нашей свадьбы. На удивление неплохой месяц. Казалось бы, внутренний критик должен меня рвать на части — и это бывает иногда но мне помогают некоторые психотерапевтические практики. Например, мы с терапевтом (которой я про свою измену так и не решилась рассказать) рисовали «котел с ужасами», в котором я варилась до свадьбы — но там больше нет меня! Над котлом — толстая-толстая кирпичная стена — и над ней я. Терапевт просит четче прорисовать ноги с прочно стоящими на земле ступнями. И я держусь за руку с Родей. И мы стоим на фоне нашего дома, а на заднем плане — озеро.

Я теперь — здесь, по эту сторону! И, когда возникают вспышки воспоминаний о далеком прошлом — или о той треклятой ночи (о которой я, к своему счастью, почти ничего не помню) — я беру этот рисунок и смотрю на него, и говорю себе: «Я теперь — над стеной!». Потом смотрю на еще один сделанный мной рисунок — он почти такой же, но на нем нет нижней части. Он просто теплый и безопасный. Я — здесь!

И мне помогает смотреть на кольцо на моем пальце. Казалось бы, просто украшение — но нет, оно много для меня значит, очень много. И на Родину кольцо мне смотреть тоже нравится... И сплетать наши пальцы и соприкасаться коль-

цами. Он — *мой муж*. Я — *его жена*. Мы сделали *выбор*, и то, как будет складываться наша дальнейшая жизнь, будет определено тем, как мы теперь сами будем ковать свое счастье, а не тем, что было до вступления в брак. И, может быть, это — кратковременное улучшение, но как будто я чувствую в себе сейчас больше ресурса, чтобы бороться за наше счастье!

Хоть многие и говорят, что нет разницы, расписаны вы или нет — и я и сама так думала — а разница все же есть. Ощутимая разница! Понятно, что все может быть в жизни, и штамп в паспорте — это никакая не гарантия светлого будущего. Но все же теперь человек, ставший твоим супругом — это не просто твой парень, с которым вы можете любить друг друга и заботиться друг о друге, и даже долго жить вместе — но, по сути, не сделав еще окончательного выбора.

Это — тот, с которым вы несете друг за друга взаимную ответственность, с которым вы, поженившись, подписались таким образом совместно планировать дальнейшую жизнь и реализовывать эти планы. Как бы там ни пошло потом, а предполагается, что вы делаете этот выбор *навсегда*. И понимание этого как будто делает чувства друг к другу еще глубже, привязанность — еще сильнее.

И, что бы там ни произошло до — из этого нужно сделать выводы — и идти дальше. И я знаю, что сделаю все, что от меня зависит — возможное, и невозможное, и немыслимое, чтобы опровергнуть мою же собственную гипотезу о пред-

определенности будущего обстоятельствами рождения. Я не обречена! И жизнь Роди не испорчена из-за того, что он стал моим мужем! Мы поженились — и мне правда стало лучше. Даже если ненадолго — и потом опять наступит откат — так, как сейчас, я не чувствовала себя много лет. Значит, процесс сдвинулся с мертвой точки! И я справлюсь — мы справимся — и будем счастливы!

И, пользуясь моментом, когда мое состояние позволяет это мне — и надеясь тем самым это улучшение закрепить — я приобретаю абонемент в спортклуб — в тот же, в который и Родя. И дважды в неделю, пока он на ММА и в качалке, я занимаюсь пилатесом и кардио, а по выходным мы вместе ходим на настольный теннис, а после — плаваем и расслабляемся в спа-зоне.

И я изучаю информацию в интернете о методах в психотерапии и сексологии, которые могут мне помочь перестать проживать в фантазиях насилие и научиться достигать пика без этого. Мне кажется, что, пока я это делаю — я не даю себе выздоравливать. Но я *не вспоминаю* — я представляю подобное, и я ни разу так и не смогла погрузиться в те ситуации из прошлого и подробно рассказать терапевту о том, что было со мной. В моменты заморозки я могу отстраненно упомянуть об этом — но не более. Если я пытаюсь углубиться — стыд, страх и ненависть к себе затапливают меня, и я либо перестаю чувствовать, либо начинается паническая атака, либо могу запросто «отлететь», диссоциировать, как

это называется в психологии.

Но я прочитала про метод EMDR — десенсибилизация с помощью быстрых движений глаз — там не обязательно рассказывать. Там достаточно представлять. Может быть, это все же окажется легче и сработает? Я спрашиваю у своего терапевта контакты проверенного сексолога, работающего в этой технике, и записываюсь на встречу. Правда, ждать долго, специалист очень востребован, ну ничего. Я очень хочу освободиться от этого! И я хочу быть в момент близости только с моим мужем, а не в этих ужасных фантазиях, за которые мне потом стыдно перед самой собой!

Я начинаю немножко, по чуть-чуть, как будто ставить себе плюсики: я теперь делаю это; я немножко продвинулась в том... Я даже записываю это по совету моего терапевта в заметки и временами перечитываю. И, как будто бы, потихоньку начинаю присваивать, что я — не просто бесполезный балласт на шее у Родиона — а, в общем-то, человек, который тоже на что-то способен!

С работой у меня тоже все неплохо, и мы Кариной на пару проходим онлайн-курсы по дизайну ногтей и в свободное время тренируемся друг на друге. Боюсь, что это может показаться хвастовством — хотя мне на психотерапии все время говорят, как важно хвалить себя и присваивать себе достижения (а не только ругать!) — но, мне кажется, что у меня определенно есть способности к тому, что я делаю. У меня получаются очень красивые дизайны!

И я начинаю понемногу откладывать деньги. Для меня очень важно, что это могу делать и я, а не только Родя! Нам очень нужны деньги, потому что мы приняли решение строить дом! Не сразу, конечно, а когда накопим на первый взнос. Мы не хотим жить в квартире, хотим — в своем доме у озера; в месте, которое будет напоминать нам каждый день о нашем медовом месяце на Валдае...

Свободными вечерами мы садимся в обнимку, открываем ноутбук и смотрим различные места. И, похоже, мы сходимся на том, что один из коттеджных поселков нам нравится больше всего. Немного далековато от города — но ничего страшного. Зато цены вполне приемлемые. Мы оба чувствуем себя вдохновленными — и, хоть у нас и пока нет средств, но решаем на выходных прокатиться туда и посмотреть все в живую. Я радуюсь — Родя радуется...

Но... потом судьба мне напоминает, что чудес не бывает — по крайней мере, не в моей жизни. Еще ни один мой неверный шаг не остался безнаказанным. Так что... еще до наступления этих выходных все летит в тар-тарары, хотя мой муж пока об этом не знает...

Другой

Я дал себе зарок выждать месяц — черт подери, месяц — это долго, хотя сам по себе процесс предвкушения мне нравится. Как будто я поставил капкан и точно знаю, что зверушка попадется в него. Ее только нужно будет в определенный момент подогнать, чтобы она побежала в нужном

направлении. Но пусть пока порезвится на воле, думая, что свободна, порадуется своей ничтожной маленькой жизни...

Пока что, в предвкушении того, как буду играть с Илоной — красивое имя, оно ей идет — я решил еще немного поиздеваться над моей женой. Ее зовут попроще, Ксюша, и с ней играть уже особо не интересно — она уже просто бледная тень меня — или той себя, которой была до меня. Хотя и раньше она, в общем-то, была никакой — и внешне — обычное «миловидное», как говорят, «личико», светлые волосы. И по характеру — мягкая, ведомая. Но для своей роли она была такая и нужна.

Работать она не хотела сама, но мне это было только на руку. Я, конечно, убедил ее, что такую бестолочь никуда, кроме как мыть полы, не возьмут, да и то руки не из того места. Поэтому она уверена, что без меня умрет с голоду. Ее подружек я всех отвалил. С родителями рассорить было сложнее — но получилось. В зал я ей ходить запретил — мотивировал тем, что мужики там будут на нее пялиться. Мне, на самом деле, настолько на нее глубоко и сильно, но мне нужно было ее изолировать — никакого общения, кроме того, на которое я сам даю добро. Иногда сопровождать меня на каком-нибудь мероприятии, например.

Разумеется, спортом она занимается — берет онлайн-уроки. Нахрен она мне сдалась жирная и дряблая. В салон красоты я ей ходить тоже разрешаю, но мы ездим вместе. Я за собой слежу, делаю мужской маникюр, массаж и прочее — и

приглядываю за Ксю. Чтобы не сблизилась там с какой-нибудь болтливой маникюршей или парикмахершей. Илона, кстати же, маникюрша... Надо будет их познакомить. Точно! Может быть интересно — но пока немного рано... Всему свое время!

Ксю очень хочет детей — точнее, очень хотела. С этим ее желанием я тоже позабавлялся за те пять лет, что мы женаты. Сначала просто кормил ее завтраками, потом стал назначать сроки, придумывая для их установления какие-то мифические мотивы — и, как только срок подходил — я тут же выдумывал новую причину, почему нет. Мне доставляло удовольствие видеть, как гаснет надежда в ее глазах...

Однажды, правда, она подумала, что умнее меня, и попыталась меня обмануть — не пить таблетки — но меня надуть очень трудно. Я же проницательный — и наблюдательный. Раньше, бывало, при мне пила — а тут таблетки исчезают из блистера, но как-то очень незаметно. Ну я проследил аккуратно — она доставала таблетку и шла выбрасывать в унитаз. Схватил ее за руку в буквальном смысле. Дал «леща» слегка.

С тех пор выдаю ей таблетку сам, каждый день, и проверяю рот. Она не сопротивляется. И, похоже, уже не надеется, и, возможно, ничего особо и не хочет. «Выученная беспомощность», кажется, это называется, когда человек, зная, что ничего не выйдет, просто опускает руки и вообще перестает чего-либо хотеть.

На самом деле, может, о наследнике и пора бы уже поду-

мать. Я не знаю, что значит любить, но надеюсь, что он родится с моими генами — и я смогу воспитать его похожим на меня. Это будет интересно! Ну или ее. Но лучше — его. Сейчас медицина далеко ушла — можно и ребенка определенного пола зачать с помощью современных технологий. Вот только не уверен, что хочу это делать с Ксю.

Все же, хоть она и сохраняет товарный вид, но изнутри я ее всю выпил, высосал. Взгляд у нее пустой стал. Раньше можно было хоть поиграть в ближе — дальше — и она велась, здорово велась. То я демонстрирую ей свое расположение, даже ласку — а потом ни с того ни с сего опускаю ее с Небес на Землю, показываю всеми способами, какое она тупое и бесполезное существо, и резко включаю игнор.

А она, бедняжка, гадает, что же она сделала не так и старается изо всех сил заслужить мое расположение. Ну естественно, я же единственный ее источник общения. Но сейчас она стала такой апатичной, что даже в это с ней уже особо не поиграешь. Пора, наверное, ее менять и ребенка заводить все же с более сохранной, которую уже ломать только по необходимому минимуму. А развлекаться — на стороне.

Может, Ксюша сама захочет выпилиться?.. Я уже начал думать, что не буду этому препятствовать, настолько она мне наскучила. Но вот сейчас, когда я практически принял решение, что мне с ней дальше не по пути — я подумал, что можно ее доломать каким-нибудь интересным способом. Например, разыграть многоходовочку с одним кукловодом —

то есть мной — и тремя куклами. Я раньше как-то разделял игры с Ксю — и игры на стороне, но почему не объединить?.. Моими куклами станут Ксю, Илона и альпинист, Родя... Посмотрим, что из этого может получиться...

Пожалуй, прекращу пока то, что затеял с женой от скуки. Я такое уже практиковал с одной из кукол со стороны: прячешь хорошо — лучше — монтируешь, чтобы не нашла — умную колонку — можно несколько — и включаешь разные звуки. И человек реально начинает думать, что сходит с ума, что у него галлюцинации. Та кукла реально уехала в психбольницу. Правда, потом сорвалась с крючка, родители там плотно нарисовались и вытащили ее, но было весело...

Я уже две недели включаю жене пока что просто какие-то скрипы, топот, шорохи. Забавно видеть, приходя, испуг и недоумение на ее лице. Хотя бы страх из апатии ее немного вытащил. Но, когда она пытается об этом сказать, я возмущаюсь: «Ты что, дура, по тебе психушка плачет!» А она ревет и просит их не вызывать... Пора прекращать. Иначе действительно совсем крыша съедет — или сделает что-то с собой. Пока немного рано списывать ее со счетов...

Я прихожу домой и снова вижу этот ее испуг. Она наверняка ждала меня — что ей еще делать — только сериалы смотреть и ленту скроллить — но она не бежит ко мне, а осторожно подходит — она же не знает, в каком я расположении духа. Дам ей сегодня пряник. Нужно ее подкормить на стабильной основе. Может, удастся, все-таки, немного почи-

нить, чтобы она смогла принять участие в еще одной игре?..

Я изображаю на лице участливое, обеспокоенное выражение. Спрашиваю: — Ну ты как? Ничего? Или опять слышала что-то странное?

— Опять..., — нерешительно бормочет Ксю.

— Ничего, — говорю я и, неожиданно для нее, привлекая ее к себе. — Просто немного расшалились нервы. Справимся! Это я виноват — посадил тебя здесь в одиночестве. Конечно, от дефицита общения крыша ехать начнет... Мы это поправим!

— Как? — Робко и настороженно спрашивает она. Не доверяет. Правильно делает, конечно. Но сейчас я действительно собираюсь подольше быть хорошим.

— Для начала я буду больше времени проводить с тобой, разговаривать, да? Если вдруг тебе будет что-то слышаться — ты можешь звонить мне, и я постараюсь приехать — или, по крайней мере, поговорить с тобой, успокоить (я — то знаю, что, если я сам не захочу, то ничего она слышать не будет, поэтому никуда ехать не придется).

Она все еще не верит. Чувствую, как она напряжена в моих объятиях.

Я включаю самый мягкий и проникновенный голос, на который только способен:

— Ксю... Прости меня! Я не очень умею поддерживать, но я буду стараться! Я даже подумал — может, мне пойти к психологу, обсудить, как мне стать теплее, да? Как ты на это

смотришь? (Естественно, это все брехня, никуда я не пойду).

— Не знаю, — бормочет она, потихоньку расслабляясь.
— Может быть...

— Хочешь, поедem сначала в кино, а потом поужинаем в ресторане?

— Правда? — Робко спрашивает она. — А я уже приготовила...

— Ничего... Ну или можем съесть, чтобы не пропало, а потом в кино, да?

— Да, давай, — все так же нерешительно, но уже с робкой надеждой. Все-таки, не совсем она высосана, какая-то живая материя еще осталась. Если начать поливать — глядишь, еще и какой-нибудь чахленький цветочек вырастет.

Ладно, посвящу этот вечер Ксю для пользы дела. Несколько вечеров за последние недели я провел за другим занятием — подсматривал за Илоной и ее альпинистом. Сначала попросил детектива выяснить их распорядок дня — а потом, согласно этому распорядку, сам из машины понаблюдал. В зал ходят по вечерам ребятки — или просто за ручку гуляют по аллеям, пока тепло. Ай молодцы какие. Зайчики... Плачет по вам капкан. Уже заждался... Сегодня жену выгуляю — а завтра, пожалуй, начну гон... Пора!

Насчет сценария пока не знаю. Есть два варианта начала — по-хорошему — если Илоночка поведется и сама захочет пасть в мои сети... Или по-плохому — если будет сопротивляться. Оба варианта могут быть интересными... Завтра, ко-

гда красавца Родиона не будет дома — палить ее рано — на-
конец напомним ей о себе!

Глава 4. Глаза хищника

Илона

Примерно в середине дня я провожаю последнюю из двух записанных на сегодня клиенток. На душе у меня легко и светло. Я нарисовала ей на одном ногте на безымянном пальце серебряной краской ирис, а его лепестки сделала васильковыми; на другой руке в том же стиле изобразила бабочку с разноцветными крылышками. Девушка осталась очень довольна — и я довольна: как же это приятно — создавать красоту и радовать людей!...

... Должно быть, у этой девушки будет еще много радостных моментов в жизни — а вот я чему-то порадовалась, похоже, в последний раз. Но в тот момент я об этом еще не знаю...

Проводив ее, я иду на кухню, наливаю себе мой любимый молочный улун. Подхожу к окну и, потягивая чай из моей любимой кружки — терапевт подчеркивает, как важно окружить себя вещами, которые действительно нравятся — смотрю в окно. На пронзительное в своей голубизне сентябрьское небо и кроны деревьев, на которых уже появляются золотистые и багряные листья. Красиво! Завораживает прямо!

Мне хочется прогуляться. Просто похожу немного, а потом зайду в пару магазинчиков и куплю продукты для ужина.

Хочется побаловать Родю чем-нибудь вкусеньким. Вспоминая о нашем поцелуе перед его уходом, я улыбаюсь. И так искренне я улыбаюсь тоже — в последний раз...

А потом пиликает мой телефон — пришло сообщение. Я подхожу к столу, беру телефон в руки, открываю мессенджер. Странно... Только слово «привет» с незнакомого номера. Сначала думаю просто не отвечать — мало ли, мошенники, но потом решаю, что все же стоит ответить — иначе смутная тревога, появившаяся где-то под ложечкой, не даст мне покоя. Вероятно же, что это — просто какая-то девушка, с которой одна из моих клиенток поделилась контактом.

— Привет, — пишу я, — кто это?

— Илона, это Дима.

Я плохо помню тот вечер, и имя бы его не вспомнила — но вот сейчас читаю — и припоминаю, что да, он вроде, так назвался... Внутри все холодеет. Душа уходит в пятки. Ноги резко слабеют. Я опускаюсь на стул и кладу телефон на стол. И ничего не отвечаю. Просто застывшем взглядом смотрю на экран. Тем временем тот, кто на другом конце, набирает сообщение.

— Тебе сейчас удобно говорить?

«О Господи, что тебе надо, какого лешего ты нарисовался спустя месяц?! И откуда у тебя мой номер?!»

— Простите, вы ошиблись, — пишу я, думаю сразу заблокировать, но вижу, что он набирает новое сообщение — решаю его дожидаться. Может быть, он напишет: «Извините,

что побеспокоил!» — И на этом все закончится, и я смогу расслабиться...

— Слушай, извини, что долго не писал. Но ты сама говорила, что нужно немного подождать после вашей свадьбы. Я вообще сомневался, стоит ли тебя беспокоить — но ты меня здорово зацепила, и я соскучился...

Мне кажется, сердце сейчас выпрыгнет у меня из груди. Что за херня?! Насколько бы я не была пьяная — я не могла ему такого сказать! Ни за что не поверю!

— Вы ошиблись! — Повторяю я и блокирую контакт.

Но через несколько секунд прилетает сообщение уже в другой мессенджер. Боже!

— Слушай, не убегай, давай просто проясним. Может, я, правда, ошибся; может, та девушка пошутила, назвалась твоим именем и дала мне твой номер. В таком случае извини, пожалуйста.

— Возможно, так и было, не пишите мне больше.

Хочу заблокировать и здесь — и везде, где только возможно, но текст по ту сторону опять набирается — и я опять остолбенело жду. И после полученного сообщения едва не падаю со стула в буквальном смысле.

— Ты ведь Илона Кузнецова? На твоих фотках везде одни сплошные ногти — но у тебя в друзьях есть некто Родион Кузнецов; так вот в его профиле — фотки со свадьбы. И мне кажется, что его жена и та девушка, с которой я познакомился в клубе — это один и тот же человек.

...Из помещения как будто откачали весь воздух, здесь нечем дышать!

Пальцы меня едва слушаются. Медленно набираю:

— Я вас не знаю! Оставьте меня в покое!

— Илона, ну ты же врешь (и хитрый смайлик)! Врать же не хорошо (еще один)!

И следом прилетают два фото.

Я без одежды, спящая — и подонок, который меня вместе с собой заснял... И бабочка, которую я набила в один из худших периодов в своей жизни. И похожую нарисовала сегодня клиентке... Если бы еще была какая-то одна такая фотография — можно было бы сказать, что это — фотошоп, но чтобы две — неправдоподобно.

Перед моим внутренним взором, пробив кирпичную стену и вырвавшись наружу, снова начинают мелькать обрывки воспоминаний. Чувствую, как кровь то приливает к моему лицу, то отливает от него. Руки будто не мои. Пальцы колет иголками...

В голове звучит обвиняющий голос: «Шлюха, получи по заслугам!»

И новое сообщение:

— Эй, Илона, ты там? Как тебе фото?.. Если это не ты — то и забей! Я думаю, что этому Родиону все же стоит узнать правду про свою жену — чем она занимается на досуге; еще и чужие номера раздает...

«Если вас шантажируют — обращайтесь в правоохрани-

тельные органы!» Эту рекомендацию я запомнила еще со времен вебкама.

Это ему и пишу:

— Оставь меня в покое, или я заявлю в полицию!

— О чем? — пишет он в ответ. — Открыть мужу глаза на его жену — разве в этом есть состав преступления?!

Точно. Открыть Роде глаза на меня бы стоило. И я это заслужила. Но он не заслужил такого удара!

Но этот урод прав. Состав преступления пока нет.

— Что тебе надо? — Пишу я. «Может быть, он ответит что-то, в чем уже можно будет усмотреть состав преступления?!»

— Да ничего. Просто хотел увидаться. Но, если ты не настроена, извини.

«Хитрый, гад, ни слова лишнего».

Я чувствую, как потихоньку спасительная заморозка обволакивает меня, заполняет ледяной кашей голову, блокирует чувства. Думать в этом состоянии, если очень надо, я могу, испытывать эмоции — практически нет. И голос внутреннего критика сквозь эту кашу проходит с трудом, и особо не волнует. Сейчас это то, что нужно.

«Нельзя допустить, чтобы Родя узнал, — думаю я. — Признаваться нужно было раньше! До свадьбы. Теперь время упущено. Нужно понять, чего этот ублюдок хочет, какую игру ведет».

— Давай увидимся. В общественном месте.

— Не вопрос! Так бы сразу! — Отвечает он, ставит смайлик с поцелуйчиком. «Тьфу!» — Выбирай место!

После недолгого раздумья я называю тихое маленькое кафе в трех станциях метро от нас. Там никто не должен меня с ним увидеть. Он отвечает, что будет ждать меня там через час...

Заморозка действует, но частично. Не могу сказать, что мне совсем не страшно. Но до паники не доходит. Я подхожу к кафе, в окна специально не заглядываю, боюсь увидеть его там. «Может быть, это все же просто розыгрыш, и он не придет?!» Я открываю дверь, захожу внутрь...

— Вас ждут? — Встречает меня вопросом немолодой официант (думаю, он же и владелец). Теряюсь, не знаю, что ответить.

— Возможно.

— Мужчина за дальним столиком говорил, что подойдет красивая темноволосая девушка, — улыбается официант, — наверное, это вы?

Выдавливаю из себя ответную улыбку и заставляю себя посмотреть в указанном направлении. Там кто-то сидит, и при виде меня он встает и машет мне рукой — но зрение сделалось нечетким, и я не могу рассмотреть его лица. Но, очевидно, что это — он. — Наверное, — отвечаю я официанту и медленно иду к столику.

Шаг, еще один... Я вижу его уже яснее... Он чуть пониже и, наверное, на пару-тройку лет постарше Роди. Волосы

у них, кстати, почти одного, русого, цвета... (Зачем я сейчас сравниваю???)... Он стильно и дорого одет... Руки очень ухоженные для мужчины, но кажутся сильными. Я не могу заставить себя рассмотреть его лицо...

— Привет, — говорит он, по тону понимаю, что с улыбкой. Все еще не смотрю. Он отодвигает для меня стул. Сажусь на автомате. Разглядываю рисунок на скатерти...

— Илона, может быть, взглянешь на меня?!

Я поднимаю глаза... И вздрагиваю... И совершаю в голове путешествие во времени... *Тот* дом... «Смотри на меня, сука! Смотри, я сказал!» Руки сдавливают мою шею... Нет, это не Влад — лицо вообще другое, и руки другие — но глаза... У того были светло-голубые, у этого — светло-серые, но одинаково прозрачные и резко контрастирующие с черным ободком. И выражение — то же. Никогда больше не видела таких холодных и таких страшных глаз — *глаз хищника*... Передо мной очень опасный человек. Я понимаю, что попала по полной!..

— Что тебе заказать? — Спрашивает он. Сам он пьет кофе.

У меня пересыхает во рту.

— Принесите, пожалуйста, стакан воды без газа, — прошу я подошедшего официанта, а *ему* говорю: — Я сама заплачу.

— Люблю самодостаточных женщин, — он улыбается, но глаза остаются холодными. Не могу назвать его про себя Димой. Мне почему-то кажется, что он это имя выдумал, что

его зовут как-то иначе. Дима ему не подходит... — Как дела, Илоночка?

Я не собираюсь вести с ним этот бесполезный, фальшивый разговор.

— Давай ближе к делу! ЧТО... ТЕБЕ... НАДО?! Денег? У меня их нет.

Он смеется.

— Диктофон включила?... Можешь выключать — я не скажу ничего такого, за что потом мне можно будет предъявить. И ты, кстати, тоже можешь говорить свободно, я не записываю.

— Нам не о чем говорить. Скажи, чего ты хочешь?!

— Ты так смотришь в мои глаза... Они немного необычные, это правда, но, сдаётся мне, они тебе что-то — или кого-то — напоминают... Я прав? Это как-то связано с *этим*?

Я в этот момент тянусь за стаканом — и он подносит руку и проводит пальцами по моему приоткрывшемуся запястью. Стакан выскальзывает у меня из руки, часть воды расплескивается; а у меня — снова яркий флэшбэк, и я больше не вижу мужчины перед собой — я *там*...

— Эй!.. Эй! — чувствую, что-то мокрое на своем лице. Потихоньку возвращаюсь в настоящее и вижу, что он будто бы участливо обтирает мое лицо смоченной в воде бумажной салфеткой. — Эй, ну ты чего?! Я не хотел причинить тебе боль!

Я не особо его слушаю. Пытаюсь восстановить сбивше-

еся дыхание и вернуть себе способность соображать, хоть немного. Сейчас я вообще вся застряла в какой-то вязкой жиже — больше не испытываю эмоций — но и думать толком не могу. «Соберись, Илона, ну же!» Наконец дотягиваюсь до стакана и пью воду... Жду, пока в голове хоть немного прояснится — и он ждет.

Наконец, говорю:

— Скажи уже, что тебе надо?

Он улыбается. Его ответ короток. И предсказуем.

— Повторить.

— Повторить что?.. Изнасилование с использованием беспомощного состояния?! — Спрашиваю я. У меня действительно включен диктофон, но, увидев эти глаза, я уже не верю, что смогу поймать его на чем-то. Удав здесь он, а мне отведена роль кролика. Кролику не победить удава.

— Да ладно! — Он буквально прыскает со смеху. — Эх, жаль, что я видео не заснял! Какое изнасилование?! Ты *сама* охотно прыгнула в койку — после того, как *сама* попросила тебя ударить!

Я мучительно краснею. Неужели он не врет?! Насчет охотно прыгнуть, конечно, сомневаюсь, но попросить ударить, пожалуй, могла.

— Я не могу прокомментировать то, чего вообще не помню, — отвечаю я. — А, если человек не помнит, что с ним было, значит, он не отдавал себе отчета в своих действиях. То есть был невменяем. И ты видел, что я была невменяема.

Поэтому это было изнасилование!

— Как скажешь, — разводит он руками. — Если ты так думаешь, почему ты здесь?! Почему не рассказала Родиону, что тебя, якобы, изнасиловали?!

Я молчу. Не знаю, что на это ответить.

— Ну ведь еще не поздно рассказать, так ведь?..

Он испытывающе смотрит на меня своими жуткими глазами. Точно как удав на кролика!

— Не поздно, — почти шепчу я и едва заметно качаю головой.

— Ну вот и отлично! Тогда у тебя есть сутки, хорошо? Завтра вечером я уточню у Родиона, сказала ли ему жена правду.

Я встречаюсь с ним взглядом и выдерживаю его. Что-то типа злости, конечно, вязнущее в жиге — но все же осязаемое — рождается во мне.

— Ты грязный подонок! — Констатирую я.

— Да, я такой, — он улыбается. — Но я даю тебе шанс быть лучше, чем я, и все рассказать мужу... Пока!

Я встаю, кидаю на стол деньги за воду, разворачиваюсь и иду к выходу. И слышу в спину: — Если что — я еще полчаса буду здесь. Если передумаешь...

— Не передумаю!

Я почти выбегаю из кафе, мимо удивленного официанта. Направляюсь к метро, но моих сил и запала хватает ненадолго. Миновав пару сотен метров, без сил падаю на скамейку

и хватаюсь руками за голову.

Представляю доброе, честное, такое родное лицо моего мужа. Как я ему скажу?! Может быть, правда сказать, что меня изнасиловали?! Но не слишком ли много изнасилований для одной меня?! .. И я сама не знаю, верю ли в это... В любом случае, выпить с ним я согласилась сама... И меня будоражила его опасная близость... Это уже было плохо... Есть моя ответственность — как ни крути — хоть все остальное и правда случилось, когда я была уже невменяема.

И что будет, если я признаюсь? Зная Родю, я не думаю, что он меня бросит, но как мы дальше с этим будем жить?! К тому же, после целого месяца моей лжи...

А вдруг, если я назову это изнасилованием, он захочет сам разобраться с этим ублюдком — а это — хищник, он ничего не делает, не обдумав! Вероятно, он уже просчитал, что предпримет, если Родя к нему придет — и Родя может оказаться в опасности!..

Нет, я его не имею права подставить!

Но что же мне делать?! Согласиться?! Но я же не дура, я понимаю, что на этом не закончится.

Хотя... Запасной путь есть всегда. И, если придется по нему пройти — я пройду. Не в первый раз — но точно в последний... Но, если есть хоть один шанс на сотню, что он оставит меня — нас — в покое — нужно его использовать.

Я возвращаюсь. Он встречает меня с таким видом, как будто и не сомневался, что я вернусь.

Я показываю ему экран телефона, на котором написан следующий текст:

«Один раз. Если ты продолжишь шантаж — ты пожалеешь. Уверена, что не только мне есть, что терять. Еще раз объявишься — расскажу мужу и заявлю в полицию о шантаже. Даже если не докажу — жизнь тебе подпорчу!»

— Хорошо, — улыбается он. — Один раз. Договорились.

«Я сама выберу место», — печатаю и показываю ему экран.

— Ок.

Я нахожу на одном из сайтов апартаменты на два часа — показываю ему. Пишу: «Бронируй». Я сама не только принципиально не хочу этого делать, но и не могу оставлять таких следов — хоть Родя и не лезет никогда в мой телефон — но это глупо.

Он без разговоров находит нужную страницу в своем телефоне, создает заявку, дожидается ответа, оплачивает по ссылке. — Поехали?

«Я не сяду в твою машину».

— А я без машины — думал, вдруг, вина попьем... Такси. Или поедем на разных?.. Могу для тебя вызвать, чтобы тебе не палиться.

Какая разница, на одном или на разных — все равно потом придется... В его машине, я опасаюсь, могут быть камеры — а такси... Тоже, в теории, могут, но кто ему даст доступ к записи... Лучше уже на одном — пережить уже это от

начала и до конца, а не погружаться туда снова...

«Можем на одном».

При этом, молча печатая, думая, как защититься от дальнейшего шантажа, я умом понимаю, что все это бесполезно. Либо он захочет меня отпустить — либо нет. Если нет — сделать так, чтобы обо всей этой грязи не узнал Родя, можно только одним способом...

И все же я продолжаю настаивать на определенных вещах. Пусть, по крайней мере, думает, что я увереннее, чем есть.

Когда мы поднимаемся в номер, я пишу ему, чтобы он оставил барсетку и телефон в коридоре. И только после этого, закрыв туда дверь, я ему говорю:

— Ну и что?! Неужели тебе так интересно трахать женщину, которая тебя презирает?!

— Почему нет?! — Отвечает он с ухмылкой. — Мне интересно трахать женщину, которая меня хочет и которой это нравится, а, если она меня при этом ненавидит и презирает — так ведь еще интереснее!

— Но я тебя не хочу, ты будешь трахать бревно, — отвечаю я. — Или, чтобы ты от меня отстал, нужно изображать удовольствие?!

— Нет, — он качает головой. — Изображать ничего не нужно. Сама разденешься или помочь?! Но, если буду помогать, могу ненароком попортить одежду... Вдруг Родион заметит.

Я смотрю на него с брезгливостью — не в глаза — на пе-

реносицу — и раздеваюсь. Да, пожалуйста! Желаешь иметь мертвое тело — получи!

— Значит, не хочешь?! — спрашивает он.

— Не хочу.

— А так? — Он сильно бьет меня по щеке, потом вцепляется в плечо и притягивает к себе. — Теперь хочешь?

— Нет, — цежу я, стараясь заставить свое тело и эмоции слушаться разума и изо всех сил избегая его взгляда.

— А так?! — удар по другой щеке.

Мое тело начинает реагировать. «Нет! Нет! Я могу это контролировать!»

— Пошел ты! Я не хочу тебя!

— А, может, так? — Он бьет меня в живот, я сгибаюсь пополам и валюсь на бок на кровать. Когда чуть отступает боль, и я снова могу дышать, чувствую, как меня начинает затапливать желание. Физически — и эмоционально — подчиниться *хищнику*, сдаться на милость победителя.

Он тем временем быстро снимает с себя одежду, затаскивает меня повыше на кровать и оказывается сверху.

Господи, да что же я делаю?!

— Не надо, пожалуйста! — Запоздало прошу я. Насколько же жалко и лживо это звучит!..

— Ну что ты..., — смеется он. — Разве я могу так тебя разочаровать?! Ты ведь меньше всего сейчас хочешь, чтобы я остановился!

И он надевает презерватив и входит в меня. Ооохх. Ну

почему я не могу владеть своим телом?! Почему так возбуждена?! Я вцепляюсь в на матрасник — только бы не трогать его! Я закрываю глаза... Через какое-то время слышу: «Открой глаза, сука! Открой, я сказал!» Его пальцы сжимают мою шею! Боже! Ощущения становятся все острее... Я подчиняюсь — открываю глаза, но избегаю его взгляда.

— Посмотри на меня! — Требуется он. — Посмотри, тварь! — Он берет меня за волосы и очень сильно и больно их тягивает. Я не могу не послушаться... Этот взгляд... Боль... Его сила... Моя беспомощность... А потом я ненадолго снова отлетаю в прошлое — но вместо того, чтобы оцепенеть от страха и стыда, и перестать вообще что-то чувствовать, я, напротив, несусь навстречу неминуемому окончанию с еще более стремительной скоростью.

Потом возвращаюсь в настоящее — снова вместо голубой радужки над собой вижу серую — еще немного — и... Против своей воли я взлетаю на вершину, очень высоко — и пытаюсь сдержать стон — и не могу, и моя рука, вырвавшись из-под моего контроля, отрывается от матрасника и впицается ногтями ему в спину. Я спешно отдергиваю ее — но поздно — я себя спалила по полной!

Через минуту он кончает и отваливается от меня. И, отдышавшись, смеется: «Не понравилось, говоришь?!»

Я тяжело дышу и молчу. Я не знаю, что ему ответить, и зачем отвечать?

Потом встаю и иду в ванную. Смотрю на себя в зеркало и

содрогаюсь от омерзения. Включаю посильнее воду и, надеясь, что он не слышит, несколько раз бью себя по лицу. Но желанной боли не чувствую. Как и искупления.

Залезаю под душ, пытаюсь смыть грязь, но она словно впилалась в кожу, просочилась сквозь мышцы до самых костей...

Соображаю, что не взяла с собой в ванную одежду — а в комнате он — но какая теперь, нахрен, разница?! Возвращаюсь туда и одеваюсь, не глядя на него. Это не так просто, у меня дрожат руки.

Он это замечает. Говорит:

— Да расслабься ты! Все произошло к взаимному удовольствию! Это же чудесно! И вообще круто найти сексуального партнера, с которым полная совместимость!

Я чувствую, как сначала краснею, потом — бледнею.

— Пошел на хуй! — Отвечаю я, наконец, повернувшись к нему. К моему облегчению, теперь его взгляд больше не имеет надо мной власти. — Нет у меня с тобой никакой совместимости! И никакие мы не партнеры! Я психически больная, если ты этого еще не понял, а ты воспользовался моей болезнью — вот и все!

— Так и я не очень здоровый! — в его лице смеется все, кроме глаз. — Говорю же — идеально подходим друг другу!

— К счастью, мы больше никогда не увидимся!

— Да ладно...

Сначала у меня душа уходит в пятки, но потом волной

поднимается гнев.

— Только сунься еще раз, гад, ко мне или к моему мужу — и, я тебе клянусь, я...

— Да-да, — перебивает он. — Все знаю, пойдешь в полицию, обвинишь меня в шантаже... Если я буду тебя шантажировать — ты права, нужно обязательно это сделать, — он ухмыляется. — Но я не буду. Я придумаю какой-нибудь другой способ, чтобы заманить мою мышку в мышеловку, в которой такой вкусный сыр...

Мне так хочется залепить ему по физиономии — но, подзреваю, что он только этого и ждет. Не доставлю ему такого удовольствия!.. А потом он произносит еще кое-что...

— Будь уже честной с собой, Илоночка! Ты ведь догадывалась, что я не оставлю тебя в покое — и ты не поэтому пришла сюда! Ты пришла сюда, потому что *захотела сюда прийти*... Потому что знала, что получишь здесь *то*, что хороший парень Родя тебе *не даст*!

Я жила с абьюзером, манипуляции мне знакомы. А этот — манипулятор в разы прожженнее того. Его словам не нужно верить... И все же — ему удастся активизировать карающий внутренний голос, который, тем же насмешливым тоном, как и этот ублюдок, говорит: «А если он прав?»

Нет, я не удостою *этого* комментарием.

— Только сунься, — бросаю на прощание, выхожу в коридор, быстро накидываю куртку, обуваюсь и открываю входную дверь. И вдогонку мне доносится:

— Увидимся, Илона!

Родя

Я возвращаюсь домой — и Илона не выходит мне навстречу. В квартире темно и тихо.

— Привет, я пришел! — объявляю я, но в ответ мне — тишина. Я вижу, что ее обувь и легкая куртка на месте — значит, она дома. Может, спит?

Очень хочется есть — я иду на кухню. Вижу на столе готовую еду из доставки. Я совсем не против — мне все равно, что есть, и моя жена не обязана готовить — но она в последнее время делала это с таким воодушевлением — а не готовила в те периоды, когда ей было совсем плохо. В душе рождается беспокойство. — Илюша?! — зову я снова — нет ответа. Заглядываю в гостиную — никого. Может, правда, спит?..

Аккуратно приоткрываю дверь в спальню — кровать пуста.

Беспокойство нарастает.

Проверяю санузлы — ее и там нет.

— Илона! Ты дома?

Может, она вышла и одела что-то другое?..

Беру телефон и набираю ее — и слышу мелодию звонка из спальни. Но ее же там нет?!

Иду туда, включаю свет...

Она сидит на полу, между кроватью и шкафом, и смотрит куда-то перед собой остановившимся взором.

— Илона!

Она переводит на меня взгляд — и я не понимаю его значения, но от него мне становится не по себе. Одновременно такая тоска — и пустота в глазах — как будто из нее вырвали душу... Несмотря на все ее тяжелые состояния, которые мы вместе пережили — я не помню у нее такого взгляда. Что же случилось?! Ведь утром было все так хорошо!

— Илюша! — Зову я, кладу ей руки на плечи и слегка встряхиваю. — Илюша, очнись!

Она не реагирует. Тогда я подхватываю ее на руки, поднимаю с пола и укладываю на кровать на бок. Сам ложусь напротив и прижимаю ее к себе, и глажу по голове, и повторяю: — Илюша, Илюшенька, все будет хорошо! Я с тобой! Что бы ни произошло — мы справимся, милая!

— Родя? — Вдруг слышу я ее тихий голос, но не успеваю обрадоваться, поскольку происходит новая странность. Илона вдруг резко выворачивается из моих объятий, отодвигается от меня и садится. Я хочу приблизиться, но она выставляет перед собой руку и качает головой: — Не надо!

Мне становится страшно. А она тем временем поднимается на ноги, почти бежит в гостиную и закрывает за собой дверь.

Я знаю, что моя жена дважды лежала в психбольнице — но тогда, вроде бы, были предпосылки... Сейчас же все было хорошо — разве я мог так ошибаться?! Или ухудшение может наступить совсем внезапно, без каких-либо предвест-

ников?!

Пересиливая свой страх и ругая себя за малодушие, я иду за ней в комнату, открываю дверь. Она сидит на диване, обхватив колени и уткнувшись в них лицом, раскачивается взад-вперед и горько плачет, даже воет. Заметив меня, замолкает, но со слезами справиться не может. Сколько же боли в ее взгляде. Что-то случилось?! Кто-то ее обидел?! Может, кто-то из прошлого?! Я теряюсь в догадках...

— Илюша! — Я бросаюсь к ней, хочу обнять, но она выставляет перед собой теперь обе руки и кричит: — Родя, не надо! Тебе самому потом станет противно!

Похоже, опять активизировались эти ее саморазрушительные внутренние голоса! Вопрос, почему?!

— Илюш, все хорошо!

— Нет! — Она к прижимает руки к лицу и трясет головой из стороны в сторону. — И не называй меня больше Илюшей!

— Милая...

— Родя, ты не знаешь! Я должна тебе признаться!

Я знаю, что, что бы она мне о себе ни рассказала, это не будет иметь для меня значения. Прошное — в прошлом! Наверное, так даже лучше — пусть она расскажет, и я смогу ее успокоить, что для меня ничто не сделает ее хуже! Даже если она скажет, что работала в эскорте или кого-то убила — я же понимаю, что это — не ее вина, а следствие того, что с ней сделали!..

— Хорошо, расскажи, — говорю я.

— Родя, сядь, пожалуйста, — просит она и отодвигается к самому подлокотнику, освобождая мне место подальше от себя.

— Ладно, — я делаю, что она просит.

— Родя, я.., — ее голос прерывается, по щекам катятся слезы. Я снова делаю движение ей навстречу, но она качает головой. — Я... прошу у тебя прощения, потому что я очень виновата перед тобой — но я не жду, что ты меня простишь, и не вздумай это делать, потому что я...

Глава 5. Не так важно

Родя

— Потому что я... — Слова даются Илоне очень трудно; мне хочется помочь ей, поддержать ее — но она по непонятной мне причине отказывается сейчас принимать мою поддержку, поэтому я терпеливо жду. — Я...

И в этот момент звонит мой телефон. Илона вздрагивает. Я вижу, что звонок от Андрея, маминого мужчины. Странно... Ну ладно, потом перезвоню. Сбрасываю. Говорю: — Прости. Продолжай.

Она делает пару глубоких вдохов и выдохов — как будто готовится прыгнуть в океан с обрыва...

— ... Родя, я перед свадьбой...

Опять звонит телефон. Да что такое?! Что-то стряслось?!

— Я отвечу, ладно? Вдруг что-то...

— Да, конечно, — кивает она.

Снимаю трубку: — Да, Андрей, срочно?

— Родион, мы с мамой попали в аварию.

— Что?!

— Да, в аварию, серьезную, лобовое, возвращались с дачи, и этот урод выехал на встречу... Я ничего, а твоя мама...

— Что с ней?!

— Пока не знаю. Она без сознания.

— О Господи! Где вы?!

— Едем на скорой в Склиф.

— Я еду! — Нажимаю на отбой, на пару секунд зависаю, впад в какой-то ступор, из которого меня выводит встревоженный голос Илоны.

— Родя, что случилось?! Что-то с твоей мамой?!

— Да, авария, — отвечаю я. — Она без сознания, везут в больницу.

— О Боже!

— Родная, прости, мы можем обсудить это позже? Я должен ехать туда!

— Разумеется! — Поспешно отвечает Илона. Не пойму, что в ее глазах — страх за маму, разочарование или — облегчение? Или все вместе?.. Но я не способен сейчас анализировать.

— Тебя можно оставить одну? — Спрашиваю обеспокоенно. — Или ты сможешь поехать со мной?!

Как будто секундное замешательство в ее лице...

— Конечно, я поеду с тобой! Дай мне минуту!

Она быстро приводит себя в порядок, и мы выходим. Удивляюсь, насколько моя жена умеет собраться ради меня. Сейчас ее лицо выдает лишь желание поддержать меня и беспокойство за мою маму. Мне кажется, что это — маска — и все же я ей очень благодарен, что она со мной в тот момент, когда ей самой так трудно. Хотя, конечно, наш незавершенный разговор поселил в моей душе смутную тревогу, сохраняющуюся даже на фоне страшных известий.

Мы смотрим друг на друга, пока спускаемся в лифте, и Илона будто бы это считает. — Родя, не волнуйся о том, что я хотела сказать. Это не так важно. Потом. — И опять это краткое замешательство, затем она делает шаг навстречу и обнимает меня.

Я крепко прижимаю ее к себе.

— Спасибо, что ты сейчас со мной, Илюша.

Мы приезжаем в больницу, в приемном покое встречаем Андрея. Его пока обследуют, у него подозрение на сотрясение мозга и, похоже, перелом нескольких ребер. А маму уже увезли в операционную. Из самого серьезного — у нее на КТ обнаружили перелом первого шейного позвонка. Господи...

Нам разрешают подняться и ждать недалеко от оперблока. Время словно остановилось. Я одеревенел. Та вуаль на эмоциях, которая была до антидепрессанта, сейчас превратилась в толстый занавес, едва пропускающий свет. Илона рядом со мной, она то держит меня за руку, то обнимает, то спрашивает, хочу ли чего-нибудь. Дважды бежит в автомат за кофе, хотя я не прошу. И я не знаю, нуждаюсь ли в чем-то присутствии сейчас. Возможно, мне должно быть за это стыдно — но я ничего не чувствую. Ни страха, ни грусти, ни исходящего от нее тепла — ничего.

Через какое-то время к нам поднимается Андрей, которому оказали помощь в приемном. Он, можно сказать, отделался легким испугом. Мы ждем втроем...

Наконец — подняв взгляд на стену, где висят часы, я за-

мечая, что уже ближе к утру — из оперблока выход врач. Андрей подскакивает. За ним встает Илона. Я — последний.

Врач сообщает, что операция прошла успешно. Провели остеосинтез. Вовремя устранили компрессию спинного мозга. Она будет жить, и тяжелых и необратимых последствий быть не должно; хотя, конечно, все покажет время. Он говорит, что ее переведут в реанимацию. Посещения там запрещены, но нам разрешат зайти буквально на пару минут, когда она придет в себя. Но это будет через несколько часов. Пока он предлагает нам поехать домой, отдохнуть.

Андрей, кажется, испытывает облегчение, благодарит его, Илона тоже. Я рассеянно киваю, ступор сохраняется.

— Родя!.. — Зовет меня Илона. — Родя! — она берет в ладони мое лицо и заставляет меня посмотреть ей в глаза. — Ты слышал, что сказал врач?! Она будет жить! И все должно быть в порядке!

Я постепенно возвращаюсь в реальность. Я вижу ее. Я слышу, что она говорит. Я снова осознаю происходящее — моя мать попала в тяжелую аварию, у нее опасный перелом шеи (и в первый момент меня снова охватывает ужас), но сейчас самое страшное позади, угрозы ее жизни больше нет, ее здоровье должно восстановиться... Меня отпускает, мое тело понемногу расслабляется, я снова могу дышать.

Я чувствую в горле ком и давление за глазами, хочу заплакать, но сдерживаюсь. Я обнимаю жену и чувствую наконец исходящее от нее тепло. Милая моя!.. Она думает, что мало

что мне может дать — но я знаю, какая она надежная, какая поддерживающая. Если плохо мне — как бы ни было ей — она всегда найдет для меня хоть немного ресурса, которым поделится со мной — даже если этот ресурс будет последним, и ей самой ничего не останется.

— Родя, доктор сказал, что мы можем на несколько часов поехать домой, а потом можно будет ее увидеть буквально на чуть-чуть. Поедем? Или ты хочешь подождать здесь?

Я бы остался — но я смотрю в ее усталые глаза. Вспоминаю, какой она была этим вечером. Понимаю, какое усилие ей пришлось над собой сделать, чтобы поддерживать сейчас меня и делать вид, что с ней самой все в порядке. Знаю, что ей давно нужно было принимать лекарства и ложиться — что сбой может привести к еще большему ухудшению.

— Конечно, поедем, нам обоим нужно отдохнуть, — говорю я.

А дома я прошу у Илоны пол таблетки транквилизатора, который у нее есть на случай необходимости, понимая, что не засну. Она тоже принимает — целую в добавление к остальным препаратам. Мы ложимся. Вскоре я засыпаю, обнимая ее.

Когда я просыпаюсь, на часах десять, и Илоны рядом уже нет. Я не сразу понимаю, что вообще происходит. Почему я дома в такой час?.. Обычно я встаю гораздо раньше жены и уезжаю на работу, когда она еще спит. Потом вспоминаю — с мамой случилось беда, а еще... Еще что-то произошло с

моей женой, и мы так и не смогли вчера поговорить. Меня охватывает тревога. Я практически подскакиваю с кровати и иду на кухню, откуда доносится шум воды.

Когда я захожу, я вижу кашу в кастрюле, бутерброды возле микроволновки, готовые к тому, чтобы их только разогрели, льющуюся из крана без надобности воду — и Илону, сидящую на стуле и глядящую перед собой неподвижным взглядом. А я лелеял надежду, что, может быть, это было сиюминутное ухудшение — хотя с чего бы?.. Раньше, если ей становилось значительно хуже, то это было довольно надолго и требовало смены лекарств. Черт, эту терапию с таким трудом подобрали — и последний месяц она так здорово работала!..

— Илюш! — Окликаю я.

Она вздрагивает, ее взгляд становится осмысленным — потом — встает и, глядя на меня с беспокойством и заботой, спрашивает: — Родя, как ты?

Мое воображение невольно рисует мне картину, будто она берет со стола и надевает на лицо «маску». С другой стороны, если она способна надеть «маску» — возможно, все не так плохо?..

— Да ничего. А ты? Ты поспала?

Она выглядит очень уставшей и измученной, лицо бледное, возле глаз залегли темные тени.

— Да, — говорит она, — все в порядке.

— Точно? — Не верю я.

— Да. Садись кушать. — Она накладывает кашу в тарел-

ки, ставит в микроволновку бутерброды. Я достаю чашки и делаю нам чай. Мы садимся. Я ем — я склонен заедать тревогу. Она — нет — просто ковыряется в тарелке ложкой, и лишь пару раз подносит ее, почти пустую, ко рту. Нет, что-то точно не так, и дело тут не в ее тревоге за мою маму, хоть у них и прекрасные отношения.

— Илюш, — говорю я. — Что с тобой?! Ты хотела вчера мне что-то рассказать...

Она снова вздрагивает. И смотрит на меня таким страдающим взглядом, что я едва могу вынести.

— Родя, это правда не так важно, — отвечает она не сразу и натягивает на лицо улыбку, но никакая «маска» не может скрыть от меня, насколько эта улыбка вымученная. — Сейчас главное — твоя мама! Ешь, и нам нужно ехать в больницу.

Она права, и я понимаю, что это разговор не на пять минут на бегу.

Мы едем в Склиф. По дороге меня снова накрывает тревога, но на сей раз, наверное, уже не такая, чтобы превратиться в дерево. Мы поднимаемся в реанимацию... Перед тем, как увидеть маму, беседуем с врачом. Он говорит, что все совсем неплохо — могло быть и гораздо хуже. Конечно, пока слишком рано давать окончательные прогнозы, но она может шевелить конечностями, и они сохранили чувствительность — это очень хорошо. Из плохого — узнаю, что у нее также сломана правая нога, но без смещения, и в операции пока

не видят необходимости — просто наложен гипс; сотрясение мозга средней степени тяжести. А также, что повреждено лицо — наложено несколько швов — но не критично для внешнего вида в последующем. И что завтра ее уже должны перевести в обычную палату — и можно будет навещать ее каждый день в часы посещений.

Меня пропускают в палату — одного, Илона остается ждать в коридоре. Может быть, и хорошо, что она не видит маму в таком состоянии. Тяжелое зрелище — она лежит на спине, с фиксатором на шее и гипсом от середины бедра на ноге; на бледном лице в трех местах пластыри — очевидно, под ними скрываются швы — но пластыри небольшие, думаю, что, правда не критично.

Но при этом я вижу, как при появлении меня во взгляде мамы появляется радость. Мама умеет держаться, она молодчина. Она пытается меня уверить, что не страдает — что обезболивающие, которыми она напичкана «по самые уши», отлично справляются. Думаю, что это не правда, и что ей и сейчас очень трудно, и предстоит пройти еще через многие тяготы — но ее дух точно не сломлен, а это — самое главное.

И все же как мне за нее больно... В палате я держусь, но, когда выхожу в коридор, мой подбородок предательски дрожит. Илона видит это — тут же подходит ко мне и обнимает меня — и я позволяю себя дать волю слезам, уткнувшись лицом в ее мягкие волосы, лишь на минуту — но мне становится легче.

Потом я отвожу Илону домой — и не без тревоги оставляю ее одну, но она уверяет меня, что все в порядке — и я заезжаю кое-куда по работе. Заказы терять очень нежелательно — на мамино лечение может потребоваться много средств. И мне не хотелось бы влезать в накопления, сделанные на наш дом. Когда я возвращаюсь, меня ждет заботливо приготовленный ужин, и я на сей раз — впервые за долгое время — не могу понять, маска сейчас на лице моей жены — или ей действительно полегче. И я на протяжении всего дня помню, что нам надо поговорить, но сейчас, когда ее лицо так спокойно — и даже улыбка не кажется вымученной — я не знаю, стоит ли.

Вечером Илона идет в душ после меня — и я жду ее, мы привыкли засыпать вместе. Хотя я встаю и раньше, но ей из-за таблеток нужно больше сна, а, в целом, наши биоритмы совпадают. И я не рассчитываю сегодня на близость — я знаю, что, когда Илоне становится хуже, ей не до этого, хотя она никогда бы в жизни не отказала. И она так вымотана последними сутками.

Но мне, на самом деле, сейчас очень бы этого хотелось, ведь наша близость для меня — это гораздо больше, чем просто секс — и у меня на душе после этого обычно такое умиротворение... И, когда Илона выходит из душа в черной шелковой сорочке — хоть и уставшая — но такая красивая, такая нежная — я невольно смотрю на нее взглядом, в котором она не может не считать желания... И она замирает

с этим странным выражением нерешительности — на долю секунды, но я замечаю — но потом улыбается и идет ко мне. И я думаю, что, может быть, мне показалось?

Илона подходит, забирается на постель, приближается ко мне, берет меня за руки, смотрит на меня с такой любовью. Спрашивает тихо: — Ты сегодня хочешь?

— Да, — отвечаю я, — но если ты устала — то это не обязательно.

— Не настолько, — шепчет она и прижимается ко мне.

А после Илона плачет. У нее в такие моменты это и раньше бывало — на какие-то секунды — но она всегда объясняла это тем, что причина в гормонах — и это, наоборот, означает, что ей было очень хорошо. Но сейчас это что-то совсем другое. Илона рыдает так же горько и безутешно, как и вчера вечером. На сей раз она, слава Богу, никуда не убегает — хотя сначала лежит, отвернувшись; но потом поворачивается ко мне и прижимается ко мне крепко-крепко, цепляется так, как будто кто-то или что-то может отнять меня у нее — и, как я ни пытаюсь ее утешить и успокоить, это долго не получается.

Постепенно она затихает сама, и уже не хватается за меня, а просто обнимает. Я жду какое-то время — и потом, когда уверен, что ей полегче, осторожно спрашиваю: — Илюша, тебя что-то мучает? Пожалуйста, расскажи мне.

Она отвечает не сразу — сразу я замечаю лишь, как напрягается ее тело — как будто я теперь обнимаю статую; за-

тем она говорит очень тихо: — Ладно, сейчас, — и при этом выбирается из моих объятий и садится на край кровати, отвернувшись от меня. — Можно я так? Мне так проще...

— Хорошо.

Она довольно долго собирается. Потом произносит: — Перед свадьбой я... очень много думала, вспоминала, и меня стало очень мучить то, что ты не все обо мне знаешь...

И она рассказывает мне про вебкам, и про то, что в плохие для нее времена почти каждый из походов по клубам и барам приводил к знакомству на одну ночь...

И добавляет: — Прости, я должна была сказать намного раньше, по крайней мере, до свадьбы.

— Ты не была должна, — возражаю я. Я не шокирован, нисколько. Я предполагал вчера не только такое, но и хуже — и, услышав ее рассказ, понимаю, что не ошибся в своих чувствах — это не вызывает у меня никакого неприятия. — Мне нужно знать о твоей жизни до меня ровно столько, сколько ты сама готова рассказать. Я просто очень хочу, чтобы ты знала, что, если ты чувствуешь потребность, ты можешь поделиться со мной чем угодно! Ты самое дорогое и самое лучшее, что у меня есть, и ничто этого не изменит.

— Спасибо, — произносит Илона уже совсем шепотом и добавляет: — Но больше мне нечем делиться.

Я обнимаю ее сзади — но она не сразу расслабляется — вероятно, это признание ей очень дорогого стоило, громадных усилий. Затем вроде чуть обмякает, поворачивается ко

мне, снова обнимает меня сама, но напряжение до конца так и не уходит.

После она еще раз благодарит меня — хотя абсолютно не за что — и говорит: — Давай спать.

И перед тем, как она укладывается, я слышу, как она опять открывает не три, а четыре упаковки с лекарствами.

И с тех пор проходит чуть больше трех недель — маме намного лучше, ее выписывают (я даже не думал, что это будет так скоро) — хотя впереди еще длительная реабилитация. А вот что до моей жены... Я понимаю, что ее состояние крайне неустойчиво. Я вижу, что она старается изо всех сил, и у нее здорово получается заботиться обо мне, и иногда она, вроде бы, ведет и чувствует себя абсолютно нормально — и мне не кажется, что это маска. И вдруг опять случаются провалы, и застывший взгляд, и слезы, а потом слезы прекращаются — и я не знаю, хорошо это или плохо. Потому что, когда ей было хуже всего, она почти не плакала.

И Илона себя щиплет — она и раньше так делала — выкручивала себе кожу. На руках, в основном. Я думал, что это как-то помогает ей успокоиться — или совершается просто в силу нездоровой привычки; хотя, конечно, когда видел, старался останавливать ее. Но теперь я не раз застаю ее за очередным зависанием, во время которого Илона щиплет себя прямо с каким-то остервенением — так, что потом остаются синяки на запястьях и даже на шее.

Я очень просил ее сходить к врачу — и она сходила, и

ей немного увеличили дозировки двух из трех препаратов. Но мне пока непонятно, помогло ли это. Сама она пытается меня уверить, что все в порядке, и все пройдет.

А однажды я пришел с работы раньше, чем собирался — объем работы оказался меньше, чем я рассчитывал — и нашел ее в ванной. Она сидела на полу — и не знаю, что видели ее широко распахнутые глаза, но не меня. Как и в первый раз, мне не сразу удалось вернуть ее в настоящее. А потом я заметил, что она под мышкой что-то сжимает — что-то вроде рулона ваты, и он красный от крови. Господи, что же произошло?!

— Илона, что случилось?! Дай я посмотрю!

Она сначала как будто сопротивляется, но потом сдается и позволяет мне поднять ее руку — и я не сразу понимаю, что это такое, но потом замечаю предмет, валяющийся на полу рядом с ее другой, безжизненно опущенной рукой.

— Боже, Илона, что это?! Зачем ты это сделала?! — В ужасе спрашиваю я.

— Прости! — Просит она и смотрит на меня очень несчастным взглядом абсолютно сухих глаз. — Не волнуйся так, я просто хотела успокоиться — я раньше так делала, до знакомства с тобой, мне это помогало.

— Да что происходит?! — Не сдержавшись, кричу я — впервые в жизни кричу на нее... Мне хочется добавить: «Что я делаю не так, что тебе так плохо?!» — но я вовремя сдерживаюсь. Потом осознаю, что наорал на нее в том момент,

когда ей хуже всего — хорош муженек! Бормочу: — Прости! Прости! — Подхватываю ее на руки и несу в спальню. Сажая боком к себе на колени, укачиваю, как ребенка, глажу по голове, прошу: — Илюша, милая, пожалуйста, скажи мне, что с тобой такое?!

Она долго молчит и, наконец, отвечает: — Просто стало иногда накатывать. Так бывает, Родя, нет причин. Это пройдет!

— Нет, — возражаю я. — Мы не будем ждать, когда это пройдет! Давай поедем в больницу?!

— Нет! — Трясет она головой. — Нет, не поеду туда!

— В платную, давай? Мы можем себе это позволить! Спросим у твоего доктора, какая хорошая, и ты лежишь там немного, ладно?

— Не надо, Родя! — Повторяет она. — Я не хочу в больницу! Тем более в платную — куда тебе сейчас и на меня еще тратить!

— Это не важно! — Говорю я.

— Просто не надо, — возражает она, — я еще раз схожу к психиатру; может, нужно что-то более серьезно поменять в лечении. Я справлюсь!

— Но ты не справляешься, Илюша, тебе становится хуже, я боюсь за тебя!

— Не бойся — все будет нормально, правда! Я схожу к врачу и...

— Давай тогда сейчас позвоним в клинику и запишемся,

ладно?

— Ладно.

И мы звоним, и записываемся на завтра — нам везет, есть окошко у ее доктора — и Илоне тоже предлагают госпитализацию, в том числе при мне, когда просят меня зайти в кабинет. Но она отказывается и, поскольку уверяет, что целью ее действий было только успокоиться, врач соглашается пока оставить ее под амбулаторным наблюдением. Он увеличивает ей дозировку одного из лекарств — до максимальной — и добавляет транквилизатор на постоянной основе на пару недель.

И она все это принимает и, по крайней мере, я больше не вижу каких-то острых кризисных состояний — хотя и с опаской всегда уезжаю на работу; и звоню или пишу ей каждые пару, максимум – тройку часов. И, как будто бы, все и правда идет на улучшение.

А потом однажды звонит мой телефон — незнакомый номер. Я беру незнакомые номера — могут же быть потенциальные заказчики — и слышу в трубке мужской голос: — Родион Александрович?

— Да.

— Кузнецова Илона Сергеевна — ваша жена?

Глава 6. Мышеловка

Илона

В тот момент я готова была сказать Роде правду. Не только оттого, что *он* пообещал объявиться вновь. Но и потому, что, мне казалось, с этим грязным секретом; с этой чудовищной, омерзительной ложью нельзя жить. (Как показало потом время, можно, и даже не только с этой — хотя не долго...)

И я готова была взять всю ответственность на себя — никакого «беспомощного состояния», которым воспользовались — намешала, ни хрена не соображала, сама виновата. А то, не дай Бог, Родя решит с ним разобраться — и, кто знает, к чему это приведет...

Хватит строить из себя жертву. Я не жертва, я — подлая дрянь. И отвечать за свои поступки буду сама!

Но потом вмешался случай, приключилась беда с мамой Роди. И я не знаю, в праве ли я была, но я не могла не быть с ним в тяжелый для него период. И не дать близости, в которой он нуждался, хотя подсунуть ему себя *такую* было уже очень нечестно.

А затем он спросил, что я хотела сказать — и мне пришлось произнести новую ложь. И потому, что признаться тогда означало бы добить его; и из-за того, что такое признание после секса со мной заставило бы его почувствовать и себя замаранным. И я сказала то, что сказала. Конечно, не совсем

ложь — но после того, что я сделала уже дважды, это, как будто, уже и не имело значения. И так поезд ушел...

И все равно даже о прошлом я рассказала моему мужу не до конца. В *тот дом* я так и не вернулась, не смогла; потому что теперь две истории — произошедшая со мной шесть лет назад и случившаяся накануне — были для меня неразрывно связаны. Как будто одна стала продолжением другой...

И, что самое мерзкое — и это сжирает меня не меньше того, что я сделала *физически* -этот урод проник в мои мысли и фантазии.

Раньше я вызывала в голове эти отвратительные образы — как будто кто-то делает что-то жестокое со мной — сама, чтобы достигнуть оргазма, и никогда не вспоминала того, что было когда-то в реальности. Но в тот раз... (хоть бы на мою больную голову, порождающую такую порочную, извращенную хуйню, упала и размозжила ее бетонная плита, или ее бы переехал грузовик)... в тот раз и в последующие воспоминания о... — я не знаю, как это назвать, сексом язык не поворачивается, лезут в голову только самые грязные ругательные слова... Короче, воспоминания понятно, о чем, с тех пор начали сами, хотя я их не зову, и специально уже ничего не представляю — и не надо мне даже оргазма — навязчиво лезть мне в голову во время близости с мужем.

В первый раз с Родей после *встречи в апартаментах* мне было настолько стыдно и страшно, что я сначала почти ничего не чувствовала, но потом... Как будто в моей голове

установили проектор и стали показывать сцены из фильма... Шух, шух, шух — кадры сменяются и превращаются в целое видео. И тело вслед за просмотром видео вспоминает — и пробуждается, и возбуждается — и это сильнее стыда и омерзения от самой себя, и я получаю-таки незаслуженное наслаждение. Вот только, как будто бы, не от занятия любовью с мужем, а от грязной случки с *тем...*

И так я молчала, все скрывала, продолжая плавать в этой жиже — или, вернее, тонуть в этой трясине лжи, стыда и постепенного самосжирания и саморазрушения. И, чем больше проходило дней, чем сильнее я старалась, надевая на свою лживую личину «маску», строить из себя хорошую жену и заботиться о муже — из последних, непонятно откуда берущихся сил, буквально соскребая себя с самого дна, на которое я провалилась; чем больше раз занималась с ним сексом — тем дальше я уходила от возможности сознаться.

Конечно, постоянно присутствовал страх, что так называемый Дима может снова объявиться. И — еще одно проявление лжи — я отключила уведомления во всех мессенджерах и стала ставить телефон в режим «не беспокоить», когда Родя был дома. Заблокировать шантажиста я не решалась — во-первых, в этом было мало пользы — он запросто мог дать знать о себе с другого номера; во-вторых, мне хотелось сохранять иллюзию контроля. Если он не сможет со мной связаться и выкинет что-то исподтишка — будет еще хуже.

И я не знала, что я буду делать, если — или, скорее, *когда*

— он объявится. Возможно, все же наберусь решимости и скажу Роде, если другого выхода не останется. Про то, что-бы выпилиться, я тогда все же не думала — то есть думала, но знала, что нельзя, точно не сейчас. Сейчас это было бы, пожалуй, еще тяжелее для него, чем узнать о моей измене.

Но, в чем я была уверена — что *это* никогда больше не повторится. Точнее, мне тогда казалось, что я в этом уверена. Как выяснилось, я глубоко заблуждалась, и в ближайшем будущем мне предстояло узнать об этом... Но пока проходил день за днем, ничего не происходило — и, хоть я и понимала, что *он* может напомнить о себе и через месяц — я чуть-чуть надеялась и робко молилась, хотя и понимала, что не заслуживаю Божьей милости.

И я считала дни до моего визита к сексологу. Я очень надеялась, что мне помогут. Теперь помощь нужна была мне еще больше. Но проверить, сработает ли метод EMDR в моем случае, мне так и не довелось. До сексолога я не дошла. В самом буквальном понимании этого слова.

Он написал мне спустя неделю, накануне дня консультации.

— Привет, как насчет завтра?

Словно удар под дых. Не хочу отвечать. Даже пальцы не слушаются. Но заставляю себя. Одно слово.

— Никак.

— Послезавтра?

— Думаю, ты меня понял.

— Ты играешь с огнем, Илона!

Чувствую ледянящий страх в груди и животе. И кисти рук тоже холодеют. Пишу, избегая конкретики:

— Речь шла про один раз. Врать не хорошо — твои слова.

— Илоночка, — представляю его наглую ухмылку, — это не я врал, это ты захотела обмануться. Точнее, сделать вид, что веришь. А, зачем ты так поступила, я тебе уже говорил.

У меня откуда-то берутся силы разозлиться. Правда, эта эмоция приходит на смену острому стыду — хоть я и знаю, что он говорит неправду.

— Иди ты на хер! Отъебись от меня!

— Мне нравится, когда ты злишься!

«Блядь! Гребаный козёл! Что же мне делать?!»

Наверное, очень глупая идея, но я решаю попытаться позвать к его жалости (как будто она есть у него)

— Слушай, будь ты человеком! У моего мужа произошла трагедия с мамой, она в больнице в тяжелом состоянии. Ты получил, что хотел, остановись уже! Пожалуйста, оставь меня в покое!

И получаю ответ, которого следовало ожидать:

— Если напишу, что мне жаль, я совру. Мне похер. Можешь считать, что я не человек... И я еще многое хочу получить от тебя!

Мое тело делается очень слабым — как будто и не моим, а голова — пустой. Мне стоит огромных усилий сообразить, что ответить. Пощипываю себя, чтобы немного собраться.

Наконец, на ум приходит идея:

— Ты считаешь себя таким крутым. Неотразимым, наверное. Что-то там про мышеловку и сыр говорил... А, получается, что шантаж — это единственное, на что ты способен?

Отправляю. Он не торопится с ответом. Жду, глядя в экран — уже без страха, с отстраненной обреченностью. Наконец, сообщение начинает набираться.

— Бог с тобой, Илона! Никакого шантажа нет и не было. Я просто пригласил тебя на свидание.

— А я просто отказалась, — печатаю я. — Это все?

— Да.

Не выдерживаю и пишу:

— Расскажешь мужу?

Уже предвижу его ответ. Что-то в стиле: «Кто знает? Живи теперь и каждый день с ужасом жди его с работы». И вдруг читаю:

— Нет... Ладно, пока.

Не достаиваю его ответом. Некоторое время еще продолжаю пялиться в экран, не веря, что разговор и правда закончен. Когда очевидно, что больше сообщений не будет, кладу телефон экраном вниз и так и продолжаю сидеть, глядя куда-то за окно — и в никуда одновременно. Казалось бы, можно расслабиться — но я не верю, что все так просто. Что он отвалит. Тут какой-то подвох...

Может быть, подвох как раз в том, что я не поверю в это и буду в панике метаться, не понимая, чего мне ждать и что

делать?.. Что все выложу мужу, а он как-нибудь — не знаю, как — об этом узнает и потом со злорадством напишет мне: «Сама себя слила, дура?! А я ведь даже не собирался?» И это будет последним забавным штрихом в его игре, разрушившей нашу семью?..

Я не знаю — и не хочу гадать, что творится в его больной башке. Думаю, что, в любом случае, сегодня он вряд ли что-то скажет Роде. Как я поняла, он не импульсивен. Он обдумывает свои шаги. Чуть-чуть времени у меня есть.

А завтра я пойду к сексологу. Посмотрим, возьмется ли она за решение моей проблемы. А еще спрошу у нее, в каких словах лучше поговорить о ней с мужем. Может быть, она подскажет что-то, что поможет мне, по крайней мере, попытаться немного оправдать себя, если придется говорить с Родей о том, что физически мне *понравилось* (невыносимый стыд от этой мысли пробивается даже сквозь туман, в который я погрузилась). Понятно, что об этом сообщать ему не нужно, но ведь он может узнать и не от меня — и, если Родя про это заговорит, боюсь, я не сумею убедительно солгать. Так что спрошу на всякий случай...

Еще я думаю о том, что, может быть, мне стоит все же вернуться к своему терапевту и поговорить с ней обо всем, что произошло со мной с момента того девичника?.. Я ведь умолчала о первом разе, а после второго — и вовсе сбежала из терапии от стыда, отменив и ближайший визит, и последующие, хотя мне, на самом деле, казалось, что от наших бе-

сед практически и нет эффекта. Но мне точно есть, что обсудить. И сколько раз терапевт говорила, что не существует таких проблем, о которых стыдно рассказать в ее кабинете. Быть может, я могу ей поверить?

Кто знает, возможно, убеждение, которому меня научила жизнь, что мои проблемы никому не нужны, и решать их мне придется только самой, не всегда верно? Ведь Родя-то решал мои проблемы — те, которые совершенно не обязан был решать, на протяжении более чем трех лет. Другой дело, что, попав в эту передрыгу, я не могу просить его поддержке. Но вдруг психолог сможет помочь мне принять в этой ситуации не очередное отчаянное и безумное, а — какое-то взрослое решение?..

Эти мысли меня немного успокаивают. Я не совсем одна в борьбе против монстра. Пусть за меня никто сражаться с ним не пойдет — но снабдить мудростью и эмоциональной поддержкой — уже не так мало!

Вечер проходит относительно нормально; в плане эмоций меня как-то непривычно часто переключает от бесчувствия к глубокой печали и огромному сожалению — когда я смотрю на моего мужа и думаю, что, быть может, я вижу его таким открытым, доверчивым и любящим меня — в последний раз... Надеюсь, что он не замечает моего такого взгляда — когда его взгляд направлен на меня, я спешно надеваю «маску».

А на следующий день... На следующий день происходит

то, чего я меньше всего ожидала. Такого развития событий я не могла даже представить. Мне казалось, что такого просто не может произойти. И, тем не менее, меня ждет «сюрприз»...

Около трех я провожаю клиентку. Я теперь беру меньше работы, у меня совсем нет на нее сил. Но вообще не работать означало бы показать мужу, насколько мне плохо — а он не должен этого видеть. И финансово ему нужна моя поддержка, хоть какая-то. Поэтому я держусь, как могу, и выжимаю из себя, что могу. И вот она уходит, я собираюсь и выхожу вслед за ней. Закрываю за собой дверь. Выхожу из коридора, где расположены квартиры, в лифтовой холл, нажимаю на кнопку вызова, и вдруг...

Мои ноги делаются нетвердыми, в груди застывающей лужей разливается ужас; я прислоняюсь к стенке, чтобы не упасть... Из-за угла, где находится никому не нужный запаянный мусоропровод и стоит соседская коляска, выходит *он*. И делает несколько шагов в мою сторону, останавливается в метре от меня. И смотрит на меня. И я на него — но на переносицу. Только не в глаза!

— Ну привет!

Я едва дышу. Сердце колотится где-то в горле. Боюсь, что голос не послушается меня. И все же выдавливаю из себя сиплое: — Что ты здесь делаешь? Как ты...

— Выяснил, где ты живешь?.. Попал в подъезд?.. Узнал, во сколько ты выйдешь из дома?.. Первое и второе — вооб-

ще не проблема. А последнее — я точно не знал, но, если ты выходишь, то примерно в это время. И сегодня ты не нарушила традиции — так что мне повезло.

«Боже, он следил за мной! Да он совершенно ебанутый!» Отстраненно думаю, как хорошо, что Роди сейчас нет дома — что я все же смогу сказать ему первой — ведь он же за этим пришел?!. Или нет?.. Решаюсь все же уточнить у него, хотя голос меня уже почти совсем не слушается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.